

Галина Мамыко

18+

Двойная жизнь профессора Ястребова

(роман)

Галина Мамыко Двойная жизнь профессора Ястребова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51423573

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой романа Галины Мамыко "Двойная жизнь профессора Ястребова" одержим идеей сверхчеловека. Известен в научных кругах страны и за рубежом как блестящий учёный, общественный деятель, педагог, лектор, автор талантливых книг. Но у него есть и вторая, тайная жизнь. Он – герой, которому всё можно. Он уверен, что умеет влиять на человеческие массы энергией, магнетизмом. Всё это, по его разумению, ему передаётся сквозь века от боготворимой им личности Наполеона. Он жаждет вечной молодости и разрешает себе черпать её из родника любви юных девушек-студенток. Но однажды машина счастья профессора сломалась. Это произошло после того, как он познакомился с девушкой сильного характера, острого ума и необыкновенной красоты. Роман захватывает острым сюжетом, мастерством талантливой прозы, интересен и как исследование мотивации человеческих поступков, настроений общества и тенденций современного мира.

Содержание

Глава 1. «Ты в порядке?», рассказ	4
Глава 2. «Наполеон нашего времени», роман.	18
Глава 1. Родители убийцы.	
Глава 3. «Наполеон нашего времени», роман.	35
Глава 2. «Убийца».	
Глава 4. Страшные подробности	57
Глава 5. «Всегда на связи. Информканал»: Магия профессора Ястребова	60
Глава 6. Телеканал «Срочно24» о громком убийстве в нашем городе	64
Глава 7. Телеканал «Культурная жизнь»	66
Глава 8. Телепередача «Якорь правды»: «Старый убийца юной красавицы. Как и когда»	68
Глава 9. «Оборотень», роман	86
Глава 10. «Сумасшедшие», роман	90
Глава 12. «Наполеон нашего времени», роман.	101
Глава 3. Линия защиты.	
Глава 13. «Час открытого мнения». Прямой эфир. Тема: «Профессор Ястребов. Вирус ненависти»	105
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Глава 1. «Ты в порядке?», рассказ

Автор: писатель Б.В. 18+ Сайт ЛитНачало.

– Ты в порядке?

– Ага.

Сказав «ага», она облизнулась, но раздумала есть шоколад. Шоколад на блюде таял и уже превратился в блестящую кашу. Она ждала, когда кофе остынет, постукивала пальцами по столу и задумчиво глядела в подёрнутое туманом окно.

Он подошёл ближе. Сейчас его рука по привычке ляжет ей на плечо. Она угадала. Он положил руку ей на плечо, нагнулся и поцеловал за ушком. Она дёрнула плечом, отодвинулась от него вместе с креслом, это получилось вызывающе громко, как ему показалось, и отхлебнула кофе. Кофе обжигал, но она продолжала отхлёбывать.

– Ты точно в порядке? – снова сказал он.

– Ну, я уже ответила.

«Она могла обойтись без «ну», без «я уже ответила». Что за психозы опять?» – подумал он и сделал усилие, чтобы промолчать.

Какое-то время стояла тишина.

Он плеснул из турки обжигающую жидкость в свою чашку, сел напротив Лидии. Он пил кофе, не глядя на неё. Он боролся с раздражением, очень желал не вступать в пререкания.

ния, но когда покосился на её холодное лицо, не смог сдержаться.

– Ты могла просто ответить, без «ну» и без раздражения, – сказал он, стараясь придать голосу приветливость.

Она молчала.

Они оба любили эти утренние минуты сидения за круглым столом, покрытым кружевной белой скатертью. Рядом шевелились кружевные белые занавески, их трогал ветерок из приоткрытой форточки. Вместе с ветром в комнату входили запахи осени, свежесть, ощущение чего-то близкого и вечного, как это ему казалось. Доносились гудки машин, весёлые крики детей из дворовой песочницы.

Он взглянул на себя в зеркало за спиной Лидии, убедился, что он в порядке, и его крашенные жидкие волосы не взъерошены. Ему хотелось мира, и он решил загладить недоразумение.

– Мы оба в порядке, – сказал он медленно, на французском языке.

«Сидит в моей квартире, пьёт мой кофе, и ещё выпендривается», – подумал он, и мысленно выматерил Лидию.

Он смотрел на Лидию, приподняв левую бровь, ухмылка искривила левый уголок рта, и оттого лицо казалось перекошенным. Она мельком взглянула на него и опустила глаза, но он успел сделать вывод о вспышке гнева. Поэтому она опустила глаза, подумал он. Она хочет спрятать от меня гнев. Но чем я рассердил её? Он сделал аккуратный глоток, осто-

можно поставил чашку на блюдце, он был удовлетворён тем, что удалось это сделать беззвучно. В минуты беспричинного, как он считал, раздражения Лидии он старался всё делать бесшумно.

По своему обыкновению он решил проанализировать то, что было в последнее время, чего он не заметил, в чём допустил оплошность в их взаимоотношениях. Он хотел докопаться и, наконец, понять причину её скрытого недовольства. Нельзя сказать, что это он замечал за ней каждый день. Но... Это с ней стало происходить чаще. Он не желал и мысли допускать о её охлаждении к нему. Он душил подобные предположения глубоко внутри себя, и старался держаться трезвого анализа своих и её поступков.

Первым делом он решил припомнить, как прошла для них обоим минувшая ночь. Был ли он хорош с Лидией. Он вспомнил особые минуты близости, их взаимные ласки, её ненасытность, вспомнил, как он хотел уже спать, а она была ещё полна энергии и не прекращала игр с ним. Он больше всего опасался этих моментов, когда осознавал, что пасует перед ней. И не хотел, чтобы она догадалась об этом. Он приходил в изнеможение от её настойчивости, и уже был готов придумать отговорку, но усилием воли подавлял малодушие, как он называл минуты физического утомления, и через «не хочу» старался угодить ей во всём, чего она желала от него в эти часы её страстной, молодой любви.

Его удивлял, восхищал, но ещё больше и пугал её любов-

ный азарт. Он понимал, такого неравного соревнования, при сорокалетней возрастной разнице между ними, он когда-то не выдержит. И тогда он сдастся, а её глаза откроются, и она поймёт, с кем имеет дело. Она увидит в нём то, что он из себя на самом деле представляет. Обыкновенного пятидесятивосьмилетнего стареющего мужчину, но никак не того повелителя, каким он выглядел в её глазах.

Да, она влюбилась не в меня, а в Наполеона, в образе которого я живу, – думал он. От этих мыслей он приходил в бешенство. В такие безрассудные минуты ярости, когда он сатанел от понимания бессилия что-либо изменить, ему хотелось порвать свои труды о Наполеоне, об истории Франции, ему хотелось сбросить с себя мундир Бонапарта как шкуру змеи, чтобы стать самим собой и увидеть: а будет ли **она** в этом случае по-прежнему любить его, стареющего сутулого мужчину с выпирающим брюшком...

Он тщательно скрывал душевные терзания от всех, и в первую очередь от Лидии. Для неё он оставался нежным, сильным, циничным, и обязательно повелевающим ею. Он прекрасно понял её в первую же ночь их близости – эту восемнадцатилетнюю студентку сможет удержать только тот, кто будет издеваться над ней. Ей нужны сила, перемешанная с нежностью, цинизм пополам с насмешкой, любовь, приправленная ненавистью, надменность в сочетании с грубостью. Вот тот образ, к которому тянулась Лидия. Такой она ему показалась. Он и сейчас считает, что не ошибся.

Её тайные пристрастия совпали со вкусами зверя, который жил в Андрее Михайловиче Ястребове. Ему не нужно было с ней притворяться вежливым. Он охотно, в соответствии с инстинктами, допускал грубые ласки на грани с жестокостью. (Впрочем, такого стиля он придерживался со всеми девушками. Лидия оказалась первой, кто пожелал ещё большего.) О, он хорошо знал, это притягивало к нему их, едва вошедших в возраст любви. Но вот потом, когда он вступал в права хозяина над их телом, они пасовали. Им нужны кисель, сироп, слащавость, думал он презрительно об эталоне любви, который от него ждали, как этого ждут от мужчин. Но он не такой, как все. Девочки с замашками отличниц быстро надоедали. Но вот Лидия...

Он был ошеломлён, когда обнаружил перед собой это, превосходящее его по грубости, существо. Её возбуждали его дикие выходки, и она с готовностью объявляла ему войну. Это была война страсти. Он приходил в неистовство, когда терзал её молодое тело. Её вопли вызывали в нём ещё большую жестокость. Так они могли всю ночь находиться в бесконечной борьбе друг с другом, и засыпали порою уже под утро в изнеможении и пресыщении.

Мы нашли друг друга, с удивлением думал он о Лидии. Да-да-да, говорил он много раз себе, да, пожалуй-пожалуй, это у меня первая *такая* женщина. «В искусстве любви наши вкусы совпали». Всё, что было до Лидии, казалось спектаклем. Вместе с тем появление в его жизни этой, кроткой с ви-

ду, фурии, заставляло задуматься. Он чувствовал, что «соплюшка» несёт несчастье. К тому же снились дурные сны. Он доверял предчувствиям.

В это утро, наблюдая за Лидией, он ощутил бешенство. «Я убью её!» – вдруг подумал он.

Ему этого не хотелось.

Своей горячности, когда терял контроль над собой, он опасался больше всего. Как остановить себя?

– А любишь ли ты меня, ну-ка, отвечай, – он сжал её руку так, что она скривилась.

Ей было больно, но он хотел доставить ей ещё больше самой невыносимой, фантастической боли.

Свободной рукой она схватила чашку и плеснула ему в лицо горячий кофе.

Он отодвинулся от стола, сорвал скатерть, и посуда со звоном посыпалась на паркет.

Он вытирал пылающее лицо скомканной скатертью, и не отрывал глаз от Лидии.

Она смотрела в глаза Ястребову. Её яркие, без помады, красивые чувственные губы вздрагивали в усмешке. Слабо завязанный пояс не стягивал запах халатика, взгляду Ястребова было открыто то, что дразнило. Как только она поднялась, чтобы уйти, он схватил её за руку и с бешенством повалил на пол. Она взвизгнула, стала извиваться под ним и кусать его. Он не отступал.

«Прекрати!» – вскрикнула она, когда он допустил такую

страшную грубость, что она вся задрожала в его руках. Он прислушался, дышит ли. Она дышала, но, кажется, была без чувств. Он поднял и швырнул её о стену, облил холодной водой. Она открыла глаза и непонимающе посмотрела на него. Он плюнул на неё: «А теперь убирайся. Навсегда!» Он не мог поверить, что прогнал её. Но вдруг понял, это единственно правильный выход в отношениях с этим чудовищем.

Жизнь продолжается, сказал он себе.

Он решил начать новую жизнь. Но как жить, когда нет Лидии. Это казалось невыносимым. «Если она ещё раз переступит порог моей квартиры, я её живой не отпущу. Нельзя с ней встречаться, я не хочу стать убийцей», – говорил он себе, но думал только о ней.

Женщины вокруг сливались для него в один сплошной образ Лидии, его преследовали её глаза, её фигура, всюду ему чудилась она, она. По ночам он просыпался от хандры, и не мог до утра уснуть, образ Лидии стоял перед ним.

Но потом всё переменялось. Он встретил другую Лидию. Другую Лидию звали Ксенией. Он начал читать лекции на третьем курсе. С первого же занятия заметил в первом ряду красивую девушку. Он отметил внешнее сходство с его Лидией. Он вёл лекцию с обычным, присущим ему, вдохновением и артистизмом. Его взгляд останавливался на *его* новой Лидии. И эта, новая, смотрела на него с восторгом.

С этого дня их судьбы переплелись, как он решил для себя, навсегда.

Мучения из-за сорокалетней разницы в возрасте изводили его. Новая возлюбленная говорила, что будет любить его до смерти. Этого не может быть, не верил он, и тоска сжимала его сердце.

Ксения ему нравилась, пожалуй, не меньше, чем Лидия. И хотя в минуты любви он не находил распаляющей его ответной борьбы, а встречал в Ксении лишь покорность мужской воле, но зато он открыл в отношениях с ней новый для себя источник возбуждения, это её испуг. Он видел, она пугалась его напора. Ему нравился её испуг. «Ты ребёнок», – шёпотом говорил он, и причинял ей новые и новые физические страдания, от которых её лицо искажалось и покрывалось слезами. Он приходил в неистовство. У него словно мутился разум из-за охватывающего его чувства кровожадной страсти. И если девочка начинала вырываться, то она как бы превращалась в его жертву. Тут он терял самообладание, тут был пик его зверства пополам с любовью. Ксения страшилась ночей наедине с ним, и оттягивала подобные встречи, но вот опять он увлекал её речами, вёл к себе, и она теряла власть над собою под его магнетическим, как он считал, взглядом. Отдавалась ему безропотно, со слабостью в подгибающихся ногах, там, где их заставлял приступ его яростной страсти.

– Теперь мы муж и жена, да? – спрашивала она.

Он отвечал поцелуями.

Он не разрешил сообщать её родителям об их отношениях.

– Если скажешь твоим папе и маме о нас, то исчезнет тайна. А жить без тайны – это словно без одежды, – сказал он, приподняв указательным пальцем её подбородок.

Она кивнула и пообещала молчать. Он пристально посмотрел на неё. В её глазах он выискивал испуг.

Она по-прежнему боится меня, понял он, усмехнулся и, довольный, похлопал её по щеке.

Она находила в нём необыкновенное, покоровшее её сердце, мужское обаяние. Это был первый в её жизни мужчина, а поэтому она решила, что мужчина таким и должен быть – напористым, грубым, сильным, уверенным. Грубость во время интимной близости она объясняла для себя страстностью его натуры. Он слишком любит меня, поэтому не может сдержаться. От избытка чувств он становится вот таким неловким и даже грубым, – так она оправдывала его в своих глазах после очередной ночи жестоких истязаний.

Ястребов всё сильнее привязывался к ней. В университете привыкли к его новой избраннице. Он по-хозяйски держал её за талию, провожал в аудиторию, при всех целовал в щёку, поправлял ей шарфик. Он намеренно выставлял их любовь напоказ, давая понять молодым самцам, что эта девочка им не пара.

Так прошло четыре года. Ксения уже была аспиранткой, помогала Ястребову в научной работе. В её глазах не горел прежний огонь, как это было раньше, когда она искала на лекциях взгляд Ястребова. И всё чаще грусть мелькала в её

красивом лице.

«Я теряю себя. Он подавляет меня. Для него я – заводная игрушка», – писала она подруге в «личку». «Он ревнив. Он не доверяет мне. Я боюсь его. Он диктует каждый мой шаг, требователен, подозрителен. Я должна ему отчитываться, где была, с кем, зачем... Это угнетает и держит в напряжении, если честно. Но у нас много и хорошего, светлого. Мы любим гулять у реки, ездим на природу. А как хорошо на реконструкторских балах, куда мы являемся в костюмах наполеоновской эпохи. Это забавно и развлекает. Я даже научилась ездить верхом на лошади. Это, правда, страшновато, однажды я чуть не упала. Не поддержи меня какой-то чужой парень, я могла свернуть себе шею. Потом я долго боялась залезать на лошадь, но Ястребов заставил. И я продолжаю скакать на лошадях по камням и полям. Больше всего боюсь, когда надо прыгнуть через яму. Но ещё больше боюсь Ястребова. Его слово – закон. Я должна ему во всём подчиняться, он так сказал».

Она всё ждала, когда профессор сделает ей предложение, но он молчал. Неопределённость мучила её, она ощущала себя в роли низкой женщины.

«Это нехорошо, жить вне брака», – написала ей подруга.

«Света, разумеется, это нехорошо, – согласилась она со Светой. – Об этом я думаю всё последнее время!»

«А почему ты ему не скажешь об этом?» – спросила Света.

«Не знаю. Боюсь, наверное».

«А ты не бойся. Скажи, и всё!»

«Да, надо... Но страшно. Ты не знаешь, какой он...»

«Какой?»

«Взрывной».

«Ну и что. А ты не будь тряпкой. Прояви характер. В конце концов, мы ведь христиане. И жить с мужчиной вне брака – это грех. Блуд называется».

Однажды она решилась и спросила его, будет ли он жениться на ней.

– Мы разве не женаты? – сказал он и пристально посмотрел на неё тем взглядом, от которого она терялась и не умела сказать ни слова против.

– Но... – сказала она и замолчала.

Он усмехнулся, резко притянул её к себе, и стал мучить её тело своими сильными, жестокими руками. Ей казалось, её плоть раздирают на части, и в какой-то момент она закричала от боли. Но он ещё сильнее мучил её, и с удовольствием слушал, как она кричит: «Перестань! Не трогай меня!» Ещё никогда она не кричала так страшно, и ещё никогда он так страшно не издевался над этим красивым молодым телом, её крики привели его в не прекращаемое наслаждение, её боль подогревала его страсть. Он был в упоении от её физических страданий. Наконец, он отпустил её, когда убедился, что она без чувств.

После той жуткой ночи она не приходила к нему домой целых три недели. Она испытывала такой ужас при мысли о

новой близости с ним, что подумывала бросить всё и уехать из города. Но он не отпускал её. Он ходил каждый день к ней в общежитие с цветами, он плакал и стоял перед ней на коленях, не стыдясь чужих людей. Однажды он пришёл к ней совершенно больным, с высокой температурой, и снова плакал, и говорил ей сквозь кашель о своей любви. Он показался ей таким одиноким, старым, заброшенным, похудевшим, никому не нужным, беспомощным, что жалость схватила её сердце. И она пошла с ним снова в ту жуткую для неё квартиру. Он слёг, и она выхаживала его в долгой болезни. Он предложил ей окончательно перейти жить в его квартиру. И вот тогда впервые он сам завёл разговор об их свадьбе. Пообещал жениться, но не сейчас, потому что сессия, лекции, работа. Летом тоже нельзя – заграничные поездки, реконструкции. А вот осенью, да, осенью мы поженимся, сказал он. И так сказал уверенно, твёрдо, что она безоговорочно поверила. И он тоже поверил.

Но пришла осень.

И однажды случилось то, чего он боялся.

Он вовсе не собирался убивать её. Да и заявление в ЗАГС уже было подано. Но они поссорились. Она впервые собралась уйти куда-то без его ведома. Он вернулся домой раньше времени и застал её на пороге. Она смутилась, и её смущение ему не понравилось. Она сказала, что приглашена на день рождения к сокурснику. Он вырвал из её рук модную, им подаренную, итальянскую сумочку, а потом пнул её в живот,

запачкав подошвой ботинка её светлый, также им подаренный, французский плащ. Подобного он не допускал ещё... Это была не любовь, это уже была ненависть. Она побледнела, и внезапно, исказившись в лице, выкрикнула страшное для него слово. Кажется, она назвала его «ублюдком».

Это потрясло его. Это напомнило последний день с Лидией. Но Лидия не говорила таких слов. Она просто плеснула ему в лицо кофе. «Ублюдок» в лицо – это не кофе.

Последнее, что он запомнил, полные ужаса глаза Ксении. У него помутилось в голове. Бешенство охватило его. Будто в тумане, он слышал её душераздирающие крики.

Он устал, но продолжал швырять её о стены, об пол, а потом овладевал ею, и вновь швырял её о стены. Её голос становился тише, она просила о пощаде, потом шептала что-то, и затихла.

Он остыл, когда ощутил неподвижность её тела. Он смотрел на её тело у своих ног в ожидании, когда оно шевельнется.

Нет, она больше не шевелилась. Не поднимала с пола голову, не молила его глазами, как ещё несколько минут назад. Её глаза были закрыты.

Но дыхание, кажется, ещё в ней теплилось.

Он вспомнил, что она кричала: «Между нами всё конечно!». Она уйдёт от меня, думал он. Она уйдёт, уйдёт от меня, повторял он одно и то же, тупо глядя на неподвижное тело, и мысль, что она бросит его, вызывала в нём злобу. Нет, она не

уйдёт, я не дам ей это сделать, снова думал он, и гнев душил его. Он вспоминал про «ублюдка», потом это её «всё конечно», и ему снова хотелось бить и мучить её.

«Да, конечно!» – сказал он вслух, отпихнул ногой её тело и ушёл на кухню пить водку.

Он пил и ему казалось – он трезв.

Он достал ружьё, пришёл к телу, и выстрелил ей в голову.

Ему чудилось, она жива, и он снова стрелял.

На следующий день он поздно проснулся, у него болела голова, и он хотел в полусне овладеть Ксенией. Но рядом никого не было. Он вспомнил, что ночью убил её.

Он посмотрел на страшное истерзанное тело на полу и заплакал.

Он стоял на коленях возле неё, плакал, выл, и всё тряс, тряс её тело.

Глава 2. «Наполеон нашего времени», роман. Глава 1. Родители убийцы.

Автор: А.В.

18+ Черновик. Сайт ЛитНачало.

– А я буду рад, если он придёт к нам, – сказал отец убийцы.

– О чём ты говоришь, Миша. Мы его никогда уже не увидим, никогда! – сказала мать убийцы, тронув рукой рядом сидящего мужа. Её голос дрогнул.

Она мельком взглянула на журналистов и опустила голову. Она не хотела, чтобы кто-то заметил её слёзы.

Муж покосился на неё, вздохнул. Как и его жена, он тоже не мог скрывать докучавшую ему старость. Свист тяжёлой одышки мучил его.

После того, как он узнал, что из «просто отца» превратился в «отца убийцы», он перестал хотеть жить. И та одышка, которая раньше огорчала, теперь давала надежду на собственную близкую смерть. Но ещё сильнее его удручала жалость к сыну. О сыне он давно подозревал, что с тем не всё в порядке. Он не говорил никому о своём открытии, тем более безумствующей в любви к сыну супруге. Уж только не ей, бедняжке. Он страдальчески приглядывался к сумасбродным выходкам Андрея и жалел его. И не удивился, ко-

гда тот приобрёл, как это называл отец, «синдром Наполеона».

«Однако, странно, – думал он, – почему гении подвержены шизофрении?» Он вспоминал знаменитостей с психическими отклонениями, это как-то успокаивало. «Вот и мой, он гений, а значит, того...» «Одарённость создаёт в человеке дисбаланс, это накладывает отпечаток на психику».

Он чувствовал себя виноватым. Вот, он, отец, без завихрений, а сын... Печально или нет, но Андрей о своей придурковатости не догадывается. Если бы догадывался, тогда это было бы другое дело. Тогда обычное актёрство, полбеды. А тут, на полном серьёзе, Андрей Михайлович Ястребов живёт в выдуманном им мире, по своим выдуманным дорогам ходит, придаёт значение выдуманным им искусственным ситуациям, и думает, что это не кураж, а жизнь избранного человека. Он верит, что является уникальным Человечищем вне времени. А на самом деле у него нет ничего святого, нет Родины, нет друзей, всё это лишь бутафория, это сцена, на которой он играет. И лишь одно для него реальность – это не реальность, то есть – Наполеон, ему и молится. Интересно, а если бы Наполеона не существовало, кого бы ему на замену выбрал мой сын? Александра Македонского? Фридриха Ницше? Гитлера? Бабу Вангу? Хм... Ну да-ну да...

Нет, это не врождённое, думает отец. И это не по наследству. В этом он убеждён. Не хочется думать, что в его роду дурная наследственность. Не слышал он о шизофрениках в

их роду. А раз человек родился нормальным, значит, всё последующее – дело такое, житейское. Упал, очнулся – гипс. С Андрюшей такого, слава Богу, не случилось. А что тогда? Воспитание? Нет, с этим о`кей. Остаётся – что? Дурное влияние общества?

Михаил Ястребов уцепился с некоторым облегчением за эту мысль – вот он, ключ. А дальше Михаил Борисович погрузился в философию. Человеку свойственно искать жизненный идеал. Для исключительной личности это важно вдвойне, потому что исключительная личность наделена исключительной энергией, исключительным умом, а значит, ей требуются исключительные условия для выражения энергии, воли и ума. В противном случае человек замыкается на примитиве, его сила не может получить выхода, и человек превращается в умную обезьяну. Он становится вот таким, каким стал сын Михаила Ястребова. Но что в нашем обществе было не так?

Михаил решил, что, кажется, нашёл причину случившейся с его сыном трагедии. «У нас отняли Бога. Нас похоронили в скорлупе как не вылупившихся цыплят». Лишь теперь, к концу жизни, Михаил уверен, что понял идею Бога, ему кажется, он открыл для себя Его. Но разве скажешь это тем, кто живёт с закрытыми глазами, сонной душой и слепым сердцем, вот как его жена, как его сын, как в целом жили, можно сказать, все в Советском Союзе. «Мы – жертвы безбожной идеологии и бездуховного строя. И счастливы те,

кто хоть к концу жизни сумел очнуться...» Да, так. Но он, Михаил, отец убийцы, не знает, счастлив ли он. Когда вот, такое горе. И ведь он, отец, всю жизнь ждал его, это самое горе, предчувствовал его, он видел это горе каждый день, когда глядел на своего сына и читал в его безумных глазах будущий ужас...

«Как тяжело жить тому, кто обручился с чёртом, кто знает только тьму, кто вечно глух и слеп в своём безумстве дней...» Уж не стал ли он, Михаил Ястребов, поэтом, а значит, начал сходить с ума. С какой такой хрени родились эти стихотворные строки в голове. А может, сумасшествие – штука заразная? Ха... Он кхекает, пытаюсь засмеяться. «Ну, так на чём же я остановился. Стихи не в счёт. Даже посвящённые собственному сыну. А ведь хорошо звучит: «Как тяжело жить тому, кто обручился с чёртом». Может, он, мой сын, бесноватый? Тьфу. Не то. Надо вспомнить. Мои мысли перескакивают».

А, вот, вспомнил: «Если бы Наполеона не существовало, кого бы ему на замену выбрал мой сын? Александра Македонского? Фридриха Ницше? Гитлера? Бабу Вангу?» Ха... Ну да-ну да... В какую нишу нырнула бы беспокойная душа сына? Научная деятельность, исторические исследования – это наркотик, с его помощью Андрей уходит туда, где можно забыть себя и приблизиться к истине. Истина в Андреевой жизни – это то, что даёт силу, энергию. Для него, Андрея Ястребова, истина – это Наполеон. Наполеон для Ан-

дря Ястребова – это символ человеческого всемогущества. Всё остальное в этой жизни для него – декорации.

В бездуховном обществе, построенном на отрицании Бога, по-другому быть не может. Теперь в этом отец убийцы, Михаил Ястребов, уверен. Женщины, любовь, вино – это для моего сына-гения средства к получению иллюзии того, что жизнь вокруг есть. В женщин можно влюбляться и повелевать ими, вино можно пить, и остальное – всё-всё-превсё – исключительному человеку можно! Потом приходиться в себя, чтобы увидеть, но не признать собственную никчёмность, и тогда – снова уходить от себя в исторические труды, жевать книжную пыль, слушать скрип двери в потусторонний мир, тянуться на зов призраков из ада. Призраки преследуют. Тогда можно вскочить на коня.

И он, мой сын, так и делал. Он купил себе белую лошадь. Он громоздился на эту свою белую лошадь, чтобы бегать от навязчивых теней. И белая кляча тащила его к новым призракам, а он рубил их саблей, орал, выпучив глаза, и чувствовал себя героем... И так по кругу... Круги ада... Мой бедный мальчик... Счастливчик, он не знает, что он сумасшедший. От жалости к сыну-убийце у отца сдавливают грудь, он вспоминает, что вокруг журналисты, что у него горе, и ему не хочется жить. У него свистит в груди, будто не одышка, а его личное горе издаёт такие плачевные звуки.

«Какой же он убийца. Он спятивший человек. Разве можно таких судить. Ему давно надо было купить смирительную

рубаху и позволить заняться реконструкцией обитания в сумасшедших домах. Его коллеги, друзья, подруги – неужели они не видели: их кумир – идиот? Такое не заметить невозможно. Значит, они все и виноваты в этой беде. И нечего винить того, кто лишь жертва равнодушия близких. Но тогда, значит, и я виноват? Что, я должен был донести на сумасшествие сына в полицию? В клинику? В горсовет? Потребовать экспертизы? Нет, это невозможно», – отец понимает – он запутался в мыслях, но убеждение, что все вокруг виноваты в случившемся с сыном, не отпускает его.

– Мы его потеряли, Миша. Навсегда, – снова заговорила мать убийцы о том же.

Она говорила таким доверительным тоном в обращении к мужу, будто они сидели в пустой комнате, и на них не дышали два десятка чужих человек.

Она старалась больше не плакать. Она помнила, что вокруг люди, хотя ей хотелось не помнить этого, и она продолжала говорить с мужем так, будто вокруг никого нет.

Журналистам не хватило мест, некоторые уселись на полу. «Как у себя дома. Теперь с нами можно не церемониться, мы изгой», – ей обидно от понимания, что они изгой, и оттого ещё больше неприятны чужаки в её квартире. Они толпятся в двери, тянут головы, чтобы лучше расслышать и разглядеть родителей убийцы. Всюду жужжит, щёлкает, сверкает.

«Хорошо, что на подоконниках цветы, а то бы и туда за-

лезли», – она сдерживает раздражение и старается выглядеть приветливо.

На чужих лицах напряжённое любопытство.

– У нас с ним, – мать убийцы кивнула на мужа, – был зна-
комый историк.

Она помолчала и добавила:

– Знаменитый.

Он не был знаменит, тот историк. Но ей захотелось при-
дать значимость словам.

Слушатели напряглись, подвинулись к старикам и как
будто перестали дышать.

– Не историк, – перебил отец убийцы. – Так, любитель.

– Этот историк, который знаменитый, был нашим знако-
мым, – снова сказала мать убийцы. – И у него была большая
домашняя библиотека. Наш когда увидел в первый раз...

Мать убийцы запнулась на слове «наш» и бросила взгляд
на журналистов. Ей хотелось сказать «сын», но она вспом-
нила, теперь её сын – убийца, и журналисты здесь именно
потому, что её сын – убийца. Никого больше не интересует,
что её сын – всемирно известный профессор. И она прогло-
тила слово «сын».

– Когда наш увидел эти книги, – повторила она, – то заин-
тересовался... Ну, теми, где про Наполеона. И стал ходить к
тому человеку. С этого всё и началось.

Она замолчала. Она ждала вопросов. Она знала, сейчас
её спросят, что именно «началось». Она дождалась этого во-

проса:

– Началось – что?

Она стала говорить про его детство, юность. Как вырослел, как учился. Как умел дружить. Как... Она знала, не это от неё хотят. «Они хотят смаковать всё, что может указать им на его страшное будущее. Но ведь он был хорошим, и зачем искать то, чего я не хочу искать», – думала она. Она вспоминала об убитой, и ловила себя на радостной мысли, что убита она, а не сын, и что сын жив. Да, он в тюрьме, да, мир вокруг сошёл с ума от этой новости, и все кричат так, будто его уже нет в живых. Но ведь он жив. И мать радовалась этому. Она вспоминала множество подробностей из его детства, заново переживала то, что когда-то уже было пережито, снова ощущала то счастье, которое осталось там, где осталось детство сына. Её вежливо слушали, но не записывали.

«Они ждут, как шакалы», – думала мать убийцы с внезапной злобой. Она думала о том, что тоскует по сыну, жалеет его. Он в тюрьме. Что может быть страшнее этого. Он плакал. Она видела в теленовостях, он плакал в суде. А потом он плакал, когда какой-то человек наедине расспрашивал его, хорошо ли кормят, не бьют ли, нормально ли в камере. Когда сын сказал, что не может без очков и без книг, то мать заплакала вместе с сыном. Она и сейчас хочет заплакать. Но чтобы этого не случилось, она вспоминает ещё больше счастливых подробностей из его детства.

– Они подружились, – сказала она.

– Кто «они?» – спросили её.

– Они подружились, – повторила она и снова стала рассказывать про «того историка». – Он ходил к нему, чтобы читать про Наполеона. Брал книги. А тот с ним занимался. Историк стал его другом.

– Он жив? – спросили её.

«Зачем он им... Ни одного плохого слова они не вытащат из меня», – подумала она и не стала говорить, что историк умер. Ведь он был стар. И как хорошо, что он умер раньше, чем сын стал убийцей. Она удивлялась, что думает о том историке. Причём этот мертвец, когда такое случилось с сыном. Но её мысли возвращались к мертвецу, и она поняла, почему думает о нём. Потому что этот мертвец виноват в том, что случилось с сыном, неуверенно подумала она. Ей хотелось зацепиться за кого-то или за что-то, чтобы успокоить себя в той мысли, что её сын не причём в этой гнусной истории.

Ну да, конечно, подумала она уже более уверенно, этот проклятый историк, это он виноват, это он приучил моего сына к тому проклятому прошлому. Это он передал моему сыну эту проклятую любовь к проклятому Наполеону. Это он поселил в моём сыне бациллу Наполеона. Она поняла – она нашла то, что искала. И стала успокаиваться. Да, его сына с детства заставили стать не тем, каким он был на самом деле. В него каждый день запихивали этого чёртова Наполеона. Она удивилась, что была такой глупой, и позволяла

сыну дружить с тем идиотом. «Почему я так поздно заметила, что Андрюша стал идиотом?» – подумала она. Нет, поправила она себя, я давно это знала. Надо быть честной хотя бы с собой. Это была её тайна, она не говорила мужу о своих подозрениях насчёт ненормальности сына.

Так же, как муж не признавался ей в том же. Они оба скрывали друг от друга одну и ту же тайну.

«Я всегда говорил – фанатизм не доведёт до добра», – вспомнила она слова мужа. Он сказал это, когда услышал в теленовостях, что их сын стал убийцей-расчленителем. Да, это фанатизм, и в этом виноват тот историк, снова подумала она. Потом она вспомнила всю прошедшую жизнь, всех людей, каких знала в этой жизни, людей, кого знал её сын. Ей стало казаться, что не только историк, но и вся жизнь, всё общество в целом виноваты в том, в кого превратился её сын. Да, это «они» сделали его идиотом и убийцей, думала она с ненавистью. «Они» виноваты в том, что стряслось с её сыном. Нет, это не он убийца. Это они – убийцы. Они убили его сына. И продолжают его убивать. Хотя он давно убит ими.

Ей стало не по себе. Она не хотела больше так думать. Но эти мысли её мучили.

– Ваш сын сказал, у неё был чудовищный характер. Это правда? – спросили её.

– Да, это правда, – сказала она, вспомнив о жертве, и обрадовалась в душе, что своей солидарностью с мнением сына

может поддержать его.

Она взглянула на мужа. В её взгляде было желание, чтобы муж тоже поддержал сына. Муж это понял. Он чувствовал сильную тоску. Он успокаивался, когда жена хорошо говорила о сыне. Он внимательно слушал её воспоминания. Когда её перебивали, или когда она запинаясь и возникала пауза, к нему возвращалась тоска. Поэтому он сразу понял её взгляд. Он был рад этому взгляду. Он был рад их взаимопониманию. Он сказал:

– Да, это так.

– Вы тоже считаете, что убитая вашим сыном девушка имела скверный характер? – обратились к отцу убийцы.

– Конечно, – сказал он.

Он думал, его хотят поймать на слове, или уличить во лжи. Он чувствовал себя так, будто находится в ловушке. Он понимал, что очень нервничает, и старался ничем не выдать своего состояния.

– Почему? – спросили его.

– Она изводила нашего сына, – ответила вместо него жена.

В ней возник протест. Она подумала о том, что шестьдесят три года назад родила мальчика, и этот мальчик ничуть не хуже всего остального человечества на этой земле. Он абсолютно такой же, как все, и какое право имеют эти сволочи смотреть на неё с презрением. Она была уверена в том, что они, сволочи, смотрят с презрением на неё и мужа.

Она с внутренней гордостью приподняла подбородок. Она

чувствовала, как гнев подкатывает к горлу. Её тяготила необходимость говорить об убитой, потому что говорить хотелось только плохое, и как можно больше плохого. Она сдержалась и сказала лишь малую часть из клокотавшего в её сердце:

– Она действительно была чудовищем.

– Вам приходилось с ней встречаться, Анна Николаевна? – журналисты оживились.

– Нет.

«К счастью», – добавила про себя.

– Почему?

– Сын не приводил её к нам. Да мы и не просили. Зачем.

Всё это так...

Она неопределённо махнула рукой. Этим жестом она как бы дала понять, у её сына было не одно увлечение в жизни. И со всеми его подружками не перезнакомишься.

Она крепилась, но опять не смогла перебороть внутренний напор злобы, и опять с её губ сорвалось шипящее из глубины сердца:

– Она устраивала ему сцены. Это были мерзкие скандалы.

Она его ревновала.

«Змея подколотная», – эти слова ей удалось задушить. Её порадовало, что про «змею» никто не услышал. Всё же говорить подобное в такой момент неуместно. Она сожалела, что необходимо сдерживаться.

– К кому?

– К его второй жене. Ведь когда она влюбилась в Андриюшу, тот был женат. Она увела его из семьи, разлучила с детьми.

«Пусть знают, она не святая», – думала она со злорадством.

– «Мерзкие скандалы» – это вы говорите, вероятно, со слов сына. Что это были за скандалы? Она ругалась матом? Била посуду? Или дралась с ним, Анна Николаевна?

Анна Николаевна с удивлением оглядела журналистов. Вопросы показались ей странными. Говорить так о её сыне – это значит, не знать его. С ним никто и никогда не позволил бы себе говорить неуважительно. А не то, что матом. Да он сам скорее мог послать. Ха-ха. И он это делал. Нет, чёрт возьми, пусть я плохая мать, но что я могу поделать с тем, что люблю своего сына и принимаю его таким, какой он есть. Она вспомнила Андриюшу – его характерную вызывающую речь, резкие жесты, гневный пронизывающий взгляд. О, её сын кого угодно умел поставить на место. Никто из тех, кто знал его характер, не желал попасть ему под горячую руку. Да, она не особо удивилась, когда услышала, что он убил любовницу-аспирантку. Она предчувствовала – когда-нибудь что-то подобное произойдёт. Но эти предчувствия казались такими дикими, что самое лучшее, это было спрятать их в глубине души, и, конечно, не то что мужу, но и самой себе в том не признаваться.

Что поделать. Такова судьба.

Необыкновенную горячность сына она объясняла его врождённой гениальностью. Он слишком одарён, у него нрав великого полководца, говорила она себе. Люди незаурядные, яркие – они не вписываются в рамки обыденности, они попадают в истории или в историю. Конечно, она не хотела, чтобы эта история для её сына оказалась криминальной. Но такова жизнь. Что случилось, то случилось. А она слишком стара, чтобы пытаться что-то объяснить. Зачем. В этом мире нет ни одного безгрешного. И все эти люди, что сейчас бросают камни в её сына, разве они святые? Она убеждена, никто не имеет права обвинять Андриюшу. Она снова оглядела журналистов и усмехнулась. Моя усмешка – это вызывающе, подумала она. Ну и пусть. Быстрее уберутся.

– Говорят, первая жена погибла при невыясненных обстоятельствах?

– Чушь. Она умерла из-за тяжёлой болезни.

Она опустила глаза. Какой гнев кипит в ней. Как надоели ей эти люди.

Муж понял её. Он попытался что-то сказать, но горло перехватило. Он не стал говорить. Он тоже не хотел, чтобы видели его слабость. Он прикрыл глаза. Он знал, если увидят его глаза, то поймут, какая тоска в нём. А зачем людям показывать тоску. Зачем отдавать сердце стае волков. Он снова вспомнил, что его сын стал убийцей. Он не хотел думать об этом. Но это лежало на его сердце, и ему было непросто с этим справиться. Он искоса взглянул на жену. Она почув-

ствовала его взгляд. Она всегда знала, когда он смотрит на неё. Она не ответила на его взгляд. Но ему было достаточно того понимания, что она почувствовала его взгляд. Он снова стал смотреть себе под ноги. Ему стало легче, когда она заговорила.

Она снова начала говорить о детстве сына, но её перебили.

– Ведь вы гордились успехами вашего сына как учёного, Анна Николаевна? – спросили её.

– Конечно.

– Любовь к французской истории вы поощряли в нём с детства?

Анна Николаевна выпрямила спину. Снова гнев овладел ею. Разве я поощряла в нём любовь к этой дурацкой французской истории? Ей хотелось теперь называть непременно «дурацким» всё то, что привело его сына к этому кошмару. Не только они, думала она о людях вокруг, но и Наполеон виноват во всём этом. Она почувствовала, что опять сутулится, и заставила себя через силу заново выпрямить спину. Её осанка, как ей сейчас казалось, стала такой же, как в юности, когда она носила во чреве сына. Ей представилось, она снова беременная. На этот раз беременная смертью.

Лучше умереть, чем знать всё это. Но я не умерла, думала она, а умерла та, проклятая. Она умерла, чтобы насолить моему сыну. Она сделала всё, чтобы он убил её, она добилась того, чтобы привязать к себе навечно. Но каким образом, думала мать убийцы, она привязала моего сына к себе

через свою смерть? Почему я так думаю? Может.... Её мысли путались. А, поняла. Она привязала к себе моего сына именно тем, что отправила его через свою смерть в тюрьму. И теперь вся жизнь превратится для него в тюрьму. Даже если он выйдет на свободу. Никто ему не простит того, что случилось, и никто ему этого не забудет, никогда. Вот чего хотела и добилась та, проклятая, подумала мать убийцы об убитой её сыном девушке.

Она напрягала волю, чтобы **так** не думать, но снова думала о том, что убитая её сыном девушка хотела, чтобы её убил тот, с кем она жила, кого она ревновала, и кого она ненавидела. Да, она его ненавидела, сказала себе мать убийцы.

– Почему? – спросили её.

– Что «почему»? – переспросила она.

– Вы сказали, что она его ненавидела. У вас есть основания так говорить?

– Разве я так сказала?

– Да.

– Нет. Я этого не говорила. Нет, я ничего не говорила.

«Я вслух сказала то, что хотела оставить внутри себя», – с неудовольствием отметила она. А впрочем, тут же возразила она себе, ничего такого нет в том, что я произнесла это. Может быть, **она** и правда ненавидела моего сына.

Анна Николаевна вспомнила её лицо, у неё было красивое лицо. Красивые глаза. Нет, надо быть честной, сказала она себе, моего сына она любила. И он её тоже. Просто они

слишком любили друг друга. И именно любовь заставила их перейти черту. Ведь когда любишь человека до безумия, то становишься способным на безумные поступки. Вот и сын. С ним поэтому всё и случилось.

Теперь она не думала, что есть люди, которые виноваты во всём, что произошло с сыном. Она вспоминала, как её очень немолодой сын любил эту слишком юную для него девушку, и ей было невмоготу от стоявших в груди рыданий.

Дверь захлопнулась. Было слышно, как переговаривались между собой журналисты, спускаясь по лестнице.

Глава 3. «Наполеон нашего времени», роман.

Глава 2. «Убийца».

Автор: А.В.

18+ Черновик. Сайт ЛитНачало.

– Андрей Михайлович, вы сожалеете об убийстве Ксении?

Все посмотрели на грузного пожилого мужчину в малиновом джемпере. Он мысленно взглянул на себя их глазами, и подумал о том, что неправильно оделся.

«Зачем я надел этот джемпер. Я дал повод сравнить меня с палачом в кровавой одежде. Теперь они все так и напишут в своих СМИ. Впрочем, какая разница».

Он смотрел под ноги. Он ощущал враждебность к себе со стороны присутствующих. А иначе и быть не может, думал он. Они жаждут расправы. Но я оступился, я не хотел этого. Зачем же они хотят меня добить. Он старался не замечать переполненный зал, отводил глаза от камер.

Вот и опять я в центре внимания...

Слава. Это привычно. Это – вторая кожа, без этого как без воздуха.

Но в сегодняшней славе отсутствует восхищение. Это непривычно.

Он знал, почему всю жизнь вызывал в людях восхищение.

Он знал в себе некое, как бы неведомое. Это, «неведомое», окружающими ощущалось. Они называли «это» в нём – харизмой. Но он знал, «оно» не вполне то. На этот счёт у него была философия, разработанная им персонально для себя одного, и касалось это только его личности. «Это» – больше, нежели «харизма», и это – сокровенное, тайна, и тайна потому, что связана с Наполеоном Бонапартом. С магнетизмом, мощью, с гением духа, всё это было так близко, понятно, всё это как бы наполняло его и било из него, и давало энергию, напор, власть. Вот в чём он видел для себя источник вечной молодости. Тайная, сверхъестественная связь сквозь века. Связь с Наполеоном.

Он чувствовал, благодаря личным преданности и верности Наполеону Бонапарту его внутренний человек с годами всё больше наполнялся энергетикой, величием, духовной мощью французского императора, всё это непостижимым образом поднимало Ястребова на сокровенную, невидимую человеческому глазу, высоту, делало его сильнее. Так ему казалось. Он испытывал уверенность в том, что обладает несомненным превосходством перед всеми остальными людьми. Он видел, как он сам велик и как высоко стоит не только над теми, слабыми, но и над всем обществом, тоже слабым. И над миром тоже. Разве наше общество не есть слепок мира? Разве существуют границы, народы? Да нет же, думал он. Есть только величие духа человеческого. И всё. Остальное – условности. Человек может всё. И надо просто

стать таким человеком. И тогда будет неважно, в какой конкретно стране ты живёшь и в каком веке. Ты будешь вне времени и вне жизненного контекста. Ты будешь тем, кто вся и всё, над всем и вне всех, кто всё может, и которому всё можно.

Но вот его спрашивают, сожалеет ли он об убийстве.

Он вспоминает о том, о чём не хочет вспоминать. Это не может вписаться в нём. Он не может вообразить, что это – правда. Неужели я, тот, который над всем и вся, тот, кто сумел добиться всего, подавить вся и всё вокруг, подняться над самим собой, и вот я – сделал это? Что же, что я сделал? Что это?

Он думает о себе, сколько лет писал научные труды, сколько славы, почестей, наград, уважения. Он блестяще знал историю и читал гениальные лекции. На его лекции ходили, как на спектакли великого актёра. И он действительно был им. Он любил эти мгновения славы. Озарения, вдохновения. Он сливался с эпохой, о которой повествовал своим звучным великолепным голосом, и его яркое, полное красоты и вдохновения, лицо пылало жаром и счастьем. Это было счастье перехода в мир героев и гениев, трусов и подлецов, вершителей судеб и предателей. История захватывала его целиком. Он будто стоял под душем, и с головы до ног дрожь жарких струй невидимого водопада пронзала его тело. Его лекции заканчивались аплодисментами аудитории. Его обожали. В него влюблялись.

Он имел выбор, кого из этих, влюблённых в него девочек, приблизить и одарить своей пламенной любовью. Он ценил в себе это качество – умение любить. Он считал, встречи с женщинами только ради плотского удовольствия – пошло. Женщина – это драгоценность. Это песня высоко под небом. Это захватывающей силы симфония. Но никак не то самое, о чём обычно думает большинство мужчин. Женщины, которых он любил, были созданы специально для него, так он считал. И все, кого он выбирал, становились в его глазах на тот период, пока он любил, рабынями и богинями одновременно.

Времени нет и никогда не было, такого мнения придерживался он. И мужчины, и женщины во все времена одинаковы. Соединяясь с женщиной в одно целое, мы сливаемся с вечностью, мы уходим из сегодняшнего времени туда, где времени нет. Мы становимся теми, которые ощущают вкус вечности. Вкус вчерашних и завтрашних дней. Главное, уметь почувствовать это мгновение. Примерно так он понимал свои отношения с женщинами.

Но всё в этой жизни зыбко и непостоянно, это он тоже понимал. А потому не доверял даже собственным прозрениям и теориям. Он не верил собственным мыслям, ибо точно знал: человек может перед самим собой быть неискренним, и даже в мыслях. Вот он, тот, кто всей своей жизнью бросает вызов этому тупому миру, но даже он внутри себя может быть лжецом, он может лгать самому себе, а потом повторять

эту ложь другим, и уверять себя в своей честности.

Его мысли могут быть двойственными, тройственными. И остаётся лишь выбрать на свой вкус, под настроение этой минуты, ту мысль, которую пожелаешь сделать истиной момента. И самый свежий пример... Он задумался. А, вот же. Он сам только что говорил себе как бы в муках совести и отчаяния, как бы с удивлением: он ли совершил это страшное преступление? Он ли убийца? Хм. Позёрство даже перед собой. Может ли он быть честным и не играть хоть сейчас?

Но если не играть, тогда они поймут всю его гнусность, и вообще не смогут поверить ни ему, ни его словам. Нужно бить на их жалость. Лишь в этом случае можно выкрутиться. Людям свойственна жалость к оступившимся. Вот и он. Он тот, кто оступился. И на это он будет давить. Он будет давить на жалость. Люди глупы. А поэтому они обязательно поверят ему и отпустят. Не сразу, конечно. Что-то придётся потерпеть. Но не так это долго будет, он уверен. Он просто оступился. Но чтобы в это поверили другие, он сам должен в это поверить. И поэтому наедине с собой, в глубинах души, он должен тоже так думать и притворяться в общении с одним из своих «я».

А на самом деле?

А на самом деле с первого дня знакомства с Ксенией он знал, что убьёт её. Она слишком красива, сказал он себе, я слишком её люблю. Он сразу понял, в первую минуту, что любит её, что завладеет ею раз и навсегда, и никогда не от-

даст никому. А значит, пусть нескоро, но наступит миг, когда он убьёт её. Почему? – сказал он себе. Потому что кроме меня больше никто не имеет права любить её, никто не имеет права ею обладать. Мой главный соперник – возраст. Мне шестьдесят три. Ей двадцать четыре. Кто знает, как долго она выдержит марафон любви со стариком. Но как только я пойму, что её чувствам приходит конец, я убью её.

Пять лет отношений с Ксенией. Пять лет рая и ада. Он следил за каждым её взглядом, он придавал значение каждому слову, чтобы вовремя понять, остывает ли её страсть к нему. И этот день убийства наступил. Этот день длился два года из пяти лет их отношений. Все последние два года он тянул с убийством. Он видел, девочка начинает смущаться, её что-то тревожит, порою она рассеянна или скучна, ей чего-то не хватает. Это огорчало его, и он говорил себе: час икс приближается. Он всё чаще находил повод, чтобы выпить. Он посещал банкеты, торжественные собрания с шампанским, реконструкторские балы с фуршетом, реконструкторские сражения с выпивкой. Она была с ним. Он таскал её за собой, как свою тень. Она оттеняла его старость своей красотой. Это было эффектно. Но вынуждало его ещё больше пить. Чтобы меньше замечать свою старость. И он везде – пил. Его вытаскивали из лужи рвоты. Он бегал по столам с закусками в переполненном зале и кричал диким голосом о своей любви к прекрасной даме. Его тащили под руки из зала, а он искал глазами Ксению и кричал ей: за мной,

моя Жозефина! Его бесило, что она в гневе от его пьяных выходок. Его бесил сам факт того, что кто-то смеет на него гневаться, а тем более та, которую он страстно любит. И вот – та самая ночь. «Ты куда-то собралась?» Она оделась в одно из лучших платьев. Она оторвалась от зеркала и кротко посмотрела на него. Этот взгляд он называл про себя «взглядом ангела». «Меня пригласили на день рождения». («Невинные глаза. Чистая душа. Ослепительная красота. О, я убью, убью её!») – «Кто пригласил?» – «Однокурсник. Там будут все наши ребята».

Ястребов почувствовал знакомую дрожь в теле, это был прилив бешенства. Это было предвестие, сейчас он перестанет владеть собой.

«Нет, ты не пойдёшь никуда», – сказал он сдержанно.

«Пойду!» – вдруг твёрдо сказала она.

Ему показалось, она усмехнулась. На мгновение он залюбовался ею. («Она чертовски прекрасна! И ещё много-много лет будет восхитительной, а я...»)

Он ударил её. Это в их отношениях случилось впервые.

Он всегда бросал своих девочек где-то через полгода, год, два, были и промежуточные, на одну-две ночи. Молоденькие, доверчивые. Влюблённые в него. Когда-то одну из них он избил. Ну, ту, с третьего курса, Н.К. Он с ней встречался два года. И уже было собирался попрощаться с ней. Но вдруг она сама объявила, что бросает его. Тогда он чуть не убил её. Она написала заявление в полицию. Помогли влиятельные

друзья. Дело замяли.

И вот, Ксения. Он ударил её.

Он понял – пришло время убивать.

Она побледнела и выбежала из квартиры.

Он продолжал стоять в прихожей, он ждал её. Она не может не вернуться, думал он. Она никогда не уходила из дома в минуты ссоры. Она всё ещё любит меня, а потому должна вернуться и примириться. И лишь тогда сможет уйти. Иначе её душа будет беспокойна. Ведь она всё ещё любит меня.

Он прислушался. В тишине послышались шаги на лестнице. Дверь открылась. «Я вернулась, чтобы забрать вещи. Я ухожу от тебя», – сказала она с гневом. Он молчал. «Ты ударил меня. Как ты посмел это сделать!» – снова сказала она. Ему показалось, её взгляд полон ненависти. Он продолжал молчать. Потом не спеша приблизился к ней и изо всех сил ударил кулаком в это красивое, любимое лицо.

«Ублюдок!» – услышал он её голос. В голове зашумело. Он больше не сдерживал себя. Он не прятал ярость. Он с каким-то отчаянным счастьем шёл на последнее, заветное. Сейчас он убьёт её, и все его муки прекратятся. Никто не будет больше терзать его. С её смертью исчезнет то, что мучило эти годы. Он больше не будет думать о том, что кто-то другой сможет целовать её. Он освободится от этого страшного ожидания её неизбежного ухода от него.

«Неблагодарная тварь!» – он кричал. Он рычал и выл. Он терзал её тело. Кидал о стену, поднимал с пола, и снова ки-

дал. Когда она затихла, он понадеялся, это конец. Но она ещё дышала. Она без сознания, догадался он. Пора кончать. Он взял ружьё и стал стрелять ей в голову.

... Что он знал точно, так это то, что каждый день и каждый час он может изменить самому себе, перечеркнуть то, во что верил вчера, и только Наполеон был в его жизни неизблем и постоянен. Вот то, на что он молился. Его настроения и размышления колебались и изменялись, в одну минуту он мог перемениться в настроении, накричать, оскорбить, и тут же успокоиться, и если требуется, отвергнуть сказанное, обратить в шутку. Его напор, экстравагантность пугали, удивляли, поражали, иные в этом видели подтверждение гениальности. Гению всё можно, говорили поклонники и всё ему прощали. Нахамил? Наорал? Обозвал? Он – гений. Он над нами.

Он пришёл к убеждению, жизненным идеалом на этой земле может быть только Наполеон. Он искал ответ на вопрос: как приблизиться к своему идеалу, чтобы ощущать его присутствие, дух, мощь? Погружением в историю. Но этого было мало. Тогда он надевал мундир Бонапарта, махал саблей, искажался в лице, кричал диким голосом французские слова, за ним маршировали с фанатичными лицами ряженные бонапартисты. Они тоже кричали, бежали по его команде в бой, сражались в клубах порохового дыма. Ему было странно, что он родился и живёт не во Франции, а в Рос-

сии. Ему было странно, что помимо России и Франции есть и другие страны. Зачем всё это. Ничего не нужно, а нужна только Франция. Ведь Франция – это Наполеон. Наполеон – это всё! И ничего другого не надо. Впрочем, Франция тоже не нужна. Потому что Наполеон – это уже не Франция, это больше. Весь мир в руке Наполеона. Поэтому какая разница, где жить. Наполеон – всюду. Он жив. И живёт он не только в воспоминаниях, он живёт в Андрее Михайловиче Ястребове.

Ястребова тяготило современное время – автомобили, самолёты, поезда, весь этот дух суеты, мельтешения, скорость, метро, телефоны, смартфоны, интернет. Это было чуждо ему, потому что этого не знал Наполеон. Но в глазах общества подобное восприятие современности покажется смешным. Поэтому никаких откровений ни с кем. Этот мир в одно мгновение может превратиться во врага, стоит лишь открыть свою душу. Нет, душу он не открывал никому. Это слишком опасно. И лишь когда он облачался в мундир Бонапарта, когда хватался за саблю, он чувствовал себя тем, кем он был. Наполеоном. Властелином. Вершителем судеб. Человеком, оказывающим влияние на мировое устройство.

Блистательная наполеоновская эпоха – это прообраз будущего мирового устройства. Именно тогда под гениальным началом Наполеона и была заложена основа будущей цивилизации. То, что намеревался сделать Наполеон, когда строил планы объединить европейские государства под своим ру-

ководством, это и есть сегодняшний Евросоюз. Великая наполеоновская армия – это прообраз НАТО. Всюду, всегда и везде, был убеждён профессор Ястребов, незримо присутствует гений Наполеона. Понятие нации сложилось именно в ту самую наполеоновскую эпоху.

Энергия переполняла Ястребова. Ему казалось, одним своим взглядом он способен убить. Он хотел и мог быть в глазах других исключительно опасным и сильным. Он так много написал о французской истории, что его старания заметили, и президент чужой страны вручил ему награду.

Он каждый день шёл к Наполеону, входил и входил в образ, и уже понимал – он не чувствует себя русским. Он тяготился тем, что надо говорить на русском, и переходил на французский. В конце концов он вдруг понял, что уже давно презирает русское. В своих исторических исследованиях той эпохи он доказывал: Бородинское сражение, как и в целом войну с французами, русские проиграли. Втайне Ястребов полагал, распад Советского Союза это есть отдалённое последствие и подтверждение того, что один раз оставив Москву и отдав её Наполеону, русские оставили Москву навсегда. Дважды войти в реку невозможно. Проиграв Наполеону, уйдя из Москвы, русские на все будущие века на метафизическом уровне поставили на себе крест. Сакральным образом участь этой страны решена. Крушение империи будет повторяться по кругу из века в век. И тому подтверждением перевороты как семнадцатого, так и девяносто первого. Россия

обречена на вакханалию. Осколки империи – вот удел России, отведённый ей твёрдой рукой Наполеона Бонапарта. В этом было глубокое убеждение профессора Ястребова.

Он размышлял о СССР и удивлялся, как мог минувшие десятилетия собственной жизни находиться в этой стране, учиться, работать, соблюдать её законы. СССР и он, Ястребов, это две несовместимые величины. Он, Ястребов, не менее великий, чем Наполеон. Он по большому счёту и есть Наполеон. И рядом – обречённый по воле Наполеона на неизбежный распад Советский Союз. Ястребов радовался, его идея получила, наконец, подтверждение, когда в девяносто первом произошло давно предчувствуемое и предсказанное им согласно его личной наполеоновской теории событие – развал советской империи.

В огне революций, войн, репрессий, катаклизмов ему чудилось озарённое сполохами света гневное лицо Наполеона. Всюду перст гениального полководца. «Он наложил на Россию руку в 1812 году, и сакральная власть его так и осталась витать над этой землёй. Наполеон не ушёл отсюда. Он здесь!» – записывал в личном дневнике свои полумистические умозаключения историк Ястребов.

Надо не только приблизиться к Наполеону, но и стать им, он искал пути к этому. Как? Он понял, как. Это было, по его мнению, открытие глобальной важности, и говорить о нём он не собирался никому. Если в мире рождаются близнецы, значит, думал он, в этом есть какой-то свой секрет. Природа

посылает нам знак. Но что она хочет этим сказать? В мире, несомненно, есть двойники. Но внешне похожие друг на друга люди – это не то, что ему нужно. И тема близнецов лишь есть знак природы, на что-то указывающий. Но на что именно? Значит, надо думать. Фотографии, копировальная бумага, телевидение, видео, аудио, компьютеры... Вот средства для размножения одного и того же. Один и тот же человек глядит с тысячи фотографий. Человек умер, но его копия как бы существует. Если мы копируем и множим компьютерный файл, то значит так же возможно скопировать человека, рассуждал Ястребов. Для этого не требуется ничего. Только воля. Только энергия. Да, плоть Наполеона мертва. Но жив дух. Мой мозг будет помножен на дух Наполеона. Моя энергетическая подпитка – мощь Наполеона. Вот сокровенное открытие Ястребова, в него он всерьёз верил, и на этом открытии где-то осознанно, где-то по наитию, выстраивал своё бытие. Как прирождённый актёр, он обладал талантом перевоплощения, а потому блестяще справлялся с поставленной перед собой задачей.

Одним из главных достижений его личной полумистической философии стало умозаключение относительно женщин. Он пришёл к мысли, что помимо силы и внутренней мощи есть то, что помогает удерживать эту силу на нужной высоте. Это особая сверхэнергия, люди называют её любовью. Любовь женщины – единственная проблема в этой жизни, с которой в одиночку не справиться, без которой можно

превратиться в ничто. Всю свою жизнь он искал любовь как энергетическую субстанцию продолжения собственной молодости, и одновременно боролся с этой любовью. Не желал ей подчиняться. Он никому и ничему не подчинялся.

Любовь должна была быть непременно в образе юной красивой девушки. Другие варианты его не вдохновляли. Жёны тоже не вдохновляли. Первая жена, её болезнь, её смерть. Вторая жена. Дети. Всё это как бы путалось под ногами и только мешало. Он не позволял ни жене, ни детям жить в его квартире. Все эти семейные дела должны были быть в другом месте, но только не там, где горел дух Наполеона, где стоял его бюст, и где Ястребов был Наполеоном.

Изредка, чтобы от него отвязались, он навещал семью.

В его холостяцкой квартире было тесно от множества старинных вещей, картин в массивных рамах, пыльных зеркал и комодов, ковров и шкафов. Его квартира напоминала выброшенный на мель корабль с множеством товара. Ветер, солнце, дождь, холод и зной, всё это теребит, треплет корабль, а корабль лежит на боку, а он давно мёртв, и мыши поедают крупу из прогрызенных мешков. Но до этого нет дела капитану. Капитан продолжает смотреть с палубы в даль и отдавать команды оставшимся в морской пучине матросам.

Вот так, в далёкой юности, Ястребову поручили сыграть роль капитана. Это был лишь учебный короткий переход из пункта «а» в пункт «б». Но что-то пошло не так. Внезапно тёмное небо, резкие порывы холодного ветра. Шторм. Ко-

гда всем стало ясно, корабль тонет, началась паника. Ястребов понял, сейчас случится самое страшное: портфель с баснословно дорогими старинными подсвечниками, с которым он в эти дни не расставался, может утонуть вместе с кораблём. Если утонет портфель, то Ястребову придётся держать ответ перед важными людьми, теми, которые доверили ему артефакт. И на этот артефакт нашлись влиятельные покупатели. Молодой Ястребов в том деле с подсвечниками выполнял миссию посредника. Провали её, и его просто убили бы. Он думал, впереди огромная, длинная жизнь, и жизнь Наполеона им ещё не прожита. Умирать сейчас – глупо, да ещё из-за подсвечников. Поэтому... Он оглянулся, вокруг метались, кричали, корабль нехотя погружался в воду. Ястребов спустил шлюпку, схватил портфель с подсвечниками. И стал быстро грести, прочь от тонущего судна. Впереди маячил силуэт второго корабля, он спешил на помощь. Всех спасли. Кроме одного человека. Какой-то там молодой учёный. Говорят, запутался в снастях. Был суд. Ястребову дали два года условно. Те люди, которым он вручил ожидаемые ими подсвечники, оценили его поступок, он получил покровительство. Ему стали доверять более важные дела.

Он умел решать свои проблемы. Ведь в этой жизни, полагал он, многое зависит от того, как складываются обстоятельства, а не то, как оценит твой поступок быдло. Задумайся он тогда, во время шторма, о своей репутации, и из-за этого начни спасать людей, а не подсвечники, то кто знает,

не лежал ли бы он потом на дне залива с пулей в голове. А если бы и оставили в живых, то продвигаться по служебной лестнице точно не дали. У тех людей везде свои руки, и эти руки такие длинные, уверен Ястребов.

Да, надо иметь чутьё, где и каким способом решать проблемы. Ястребов был уверен, что имел такое чутьё.

И вот теперь. Проблема женщины. «Любовь женщины – единственная проблема, с которой в одиночку не справиться, без которой можно превратиться в ничто» – и эту проблему он решил простым и лёгким способом. Несколько выстрелов. И всё. Никаких мучений: она навсегда моя. Больше её не нужно ревновать. И ей тоже не нужно больше его ревновать. Они навсегда верны друг другу.

Но как жить без её любви, как жить, когда воспоминания подсовывают в голову не то, что хочется вспомнить, а то, что случилось в самый последний раз, её последний крик, её последний взгляд, её последний вздох... Как жить с этим самым ужасным, что произошло после её последнего вздоха, когда он из человека столь сильного и мощного духом, как он считал, вдруг стал слабым, трусливым зверем, когда рвал на части тело убитой, резал, пилил, кромсал, пил водку, чтобы заглушить тошноту, выл, рыдал, и снова резал, пилил, кромсал, и снова пил водку... И при этом, как такое возможно, он был каждую секунду счастлив, что уничтожает её красоту, что расчленяет ненавистную и желанную юность, он упивался сознанием, что никто никогда не завладеет этим телом, и

с тем большими ненавистью, страхом и счастьем он кромсал его.

...Но это произошло через сутки после того счастливого для него и одновременно не счастливого, долгожданного и вместе с тем не желанного, убийства.

А первые сутки? Что было? Она лежала в его спальне. На том месте, где он убил её. В той же позе. Он был уверен в своей силе, и считал, что только посредством своей наполеоновской силы сумеет победить самого себя. Как он победил Ксению через убийство её плоти, так он победит и себя, то, что стало подниматься изнутри, давить на душу, мучить, всё это он победит. Нет, говорил он себе, я убил её только потому, что я очень сильный человек, и это не слабость. Разве мог быть слабым Наполеон? Значит, и он, Андрей Михайлович Ястребов, не может быть слабым. Его поступок по отношению к ней – это и есть проявление мощи его духа. Он победил в себе то, что ему не давало быть сильным, он одолел то, что делало его слабым, а это была ревность к ней, ревность к её молодости и красоте.

Он всегда был и должен оставаться сильным. И тому подтверждением его жизненный идеал. Его кумир. Его бог: Наполеон. В любую минуту жизни Наполеон оставался самим собой, то есть – Наполеоном. Значит, возможно человеку быть вот таким? А потому и он, Ястребов, должен и может.

Утром он закрыл на ключ дверь в спальню, где оставалось её тело, выпил коньяку и ушёл читать лекции. Он чувство-

вал себя взвинченным, но не хотел знать об этом. Надо сделать всё, чтобы остаться сильным. Он вновь убеждал себя, убийство любимой – это и есть проявление наполеоновской силы. Это самая главная реконструкция его жизни – реконструкция победы над любовью и бессмертием. Потому что любовь, говорил он себе, и есть то, что привязывает человека и делает зависимым, а значит, слабым. Освободившись от любви, от ревности, человек освобождается от зависимости и становится сильным.

Чтобы доказать себе, что он прав в умозаключениях, он не отменил ранее сделанное им приглашение, и гости, на следующий день после убийства, были в этой квартире. Он угощал их, как и в другие разы, обычным превосходным обедом. Обед был заказан в отличном ресторане. Стол сервировали профессионалы. Всё прошло отлично. Он шутил и, по привычке, изрядно пил.

Когда все ушли, он открыл дверь в спальню и принялся кромсать её тело. В ту минуту он стал догадываться, кем является. Он усомнился в своей силе. Он не владел собой. Его мутило. Он плакал. Ненавидел себя. И больше всего ненавидел себя за то, что страх владел им. Страх, что все узнают об убийстве. Что он потеряет свою репутацию. Ему казалось странным, что он боится потерять репутацию теперь, когда этой репутации на самом деле больше нет, и уже никогда не будет! И зачем же бояться терять то, чего нет? Но страх остался. Это была инерция. Привычка прежней жизни, того

человека, под маской которого он привык себя видеть. Наполеона без страха. И вот – страх. Так кто сильнее в этой жизни, человек или страх?

Страх на короткое время исчез, когда Ястребов, пьяный, метнул в ночной темноте очередной пакет с частями её тела, с парапета набережной в реку, пошатнулся и рухнул в воду. Он стал тонуть, и обрадовался этому. Сейчас я утону, думал он, и мне станет легче. Но тут же он испугался. И попытался плыть. И ему было невыносимо от того, что он пытается выплыть. Это он расценил как проявление слабости. Я цепляюсь за жизнь, я – трус, думал он с презрением о себе. Но продолжал цепляться за жизнь. Кажется, он звал на помощь.

Когда полицейские вытащили его, пьяного, из реки, он трясся от холода и смотрел, как из рюкзака вынимают отпиленные, залитые кровью, руки его любимой. Он не знал, с каким чувством смотрел. Что это в нём – равнодушие, ужас, омерзение? Теперь, когда он понял, все узнали о нём, кто он есть на самом деле, а он есть, оказывается, трус, убийца, подлец, мерзавец, то он как бы успокоился. Мнение общества его больше не должно интересовать. Во всяком случае, так он говорил себе. Он говорил себе, что его ведь и так никогда не интересовало мнение быдла, разве он забыл это? Так почему теперь он озабочен этим? Или он и раньше был зависим от чужого мнения, но не признавался себе в том? Нет же, это абсурд. Он великий человек. Он гигант духа. Для гиганта духа, для Наполеона, чужое мнение – это пустота.

Но было другое, то, страшное, оно мучило и стояло перед глазами, не уходило из сердца. Была та, которую он ощущал по-прежнему рядом, запах её молодого тела, запах её волос, взгляд её глаз, вкус её поцелуев... Вот это было самое страшное. И одновременно счастливое. У него захватывало дух от счастья, она никому в этой жизни не достанется! Ведь не убей он её, она, как и обещала, ушла бы от него. И кто-то другой потом получил бы право обладать ею. И быть может, ей было бы с тем, другим, лучше, чем с ним, Ястребовым. О, дайте ему возможность повторить снова ту ночь, и он снова и снова будет убивать Ксению. И снова будет счастлив в своём горе.

Вместе с тем, он понимал, ему по-прежнему не хочется расставаться с собой – то есть с тем человеком, которого знали в обществе, уважали. Вот это его мучило. Он потерял лицо. И в открытую плачет, и знает, что это видят. И потом увидят в размноженных кадрах, но он не может заставить себя не плакать. Он знает, над его слезами будут язвить.

Меня назовут актёром и подонком, думал он, и они будут недалеко от истины. Я именно то и есть. Я ничтожество. При этих мыслях он прикрывал глаза рукой, как будто не хотел видеть себя, и стыд вместе с ужасом переполнял его с такой силой, что он терялся.

Забывшись, он зарыдал, и вспомнил, на него смотрят, он в зале суда. Он закрыл лицо рукой. Впрочем, подумал он, какая разница, что они подумают обо мне. Не всё ли рав-

но теперь, когда её нет, когда я стал тем, кем, оказывается, был раньше, но не знал того, – слабым, подневольным чело-вечишкой, существом без «я», обычным зверьком, пестующим в душе зверя.

Он хотел выть. Как выл тогда, когда кромсал любимое тело убитой.

Он стал выть и биться головой о решётку. Где-то в глубине сознания одно из его «я» говорило ему: «Парень, ты всё правильно делаешь. Дави, дави на жалость!» Другое «я» тоже пыталось говорить, но не могло, и просто рыдало и выло, и Ястребов вместе с ним, с этим вторым «я», тоже рыдал и выл.

Они ждут от меня слов, признаний, объяснений... Но какая разница, чего они ждут от меня. Зачем мне думать о них. Какое теперь мне дело до всего этого. Когда понимаешь, что ты – ничто, то и весь мир становится тебе не нужен. И есть дело только до самого себя, но уже другого, того, которого ты раньше в себе не знал. Куда делся Наполеон? Куда ушёл, не в него ли я так верил, почему же он не помог мне, когда я схватил дробовик? Почему не остановил меня? Где этот чёртов Наполеон, зачем всё это было? Вся моя жизнь, вот эта, наполеоновская, вот эта, реконструкторская, зачем всё это было, а?!

Он чувствовал, ужас расплзается в нём всё большей, и большей волной. Этот ужас был ещё сильнее, чем тогда, когда он пилил её тело. Тогда им владел страх, он не подчи-

нялся своей воле. Им владела не та, обычная его воля. Им владело чужое, животное, это было страшное, не его, не человеческое. И вот что, теперь это надо назвать Наполеоном?

Но тут же он вспоминал об уговоре с самим собой, что ему необходимо притворяться и давить на чужую жалость. И тогда он успокаивался в мыслях и говорил себе: «Я всё правильно делаю. Я правильно вою. Я правильно рыдаю. Ведь я должен разыгрывать сцену человека, который оступился. А потому я должен верить в свою искренность. И тогда мне и другие поверят».

Глава 4. Страшные подробности

«55»:

«Сторона защиты рассматривает несколько версий преступления, в том числе мистического характера. По мнению адвоката Безрукова, сославшегося на медицинские факты, дебюты психических расстройств напрямую зависят от фазы луны. Полнолуние, уверен Безруков, это сильный аргумент в данном деле. Поэтому необходимы соответствующие экспертизы. Вместе с тем, сказал адвокат, его клиент мог оговорить себя. Или мог находиться под воздействием лекарств. Напомним, 63-летний профессор Андрей Ястребов обвиняется в убийстве 24-летней сожительницы Ксении Есеевой. По версии следствия, он застрелил ее из обрезка, расчленил тело и выбросил в реку».

«БумагаИкс.ру»:

Председатель психотерапевтического сообщества Аркадий Маслов утверждает, интенсивность влияния небесных светил на поведение людей невелика. «Наукой пока не зафиксированы случаи, когда небесное светило заставляло человека пойти на убийство». Маслов подчеркнул, что от Луны в большей степени зависит поведение женщин, а вот мужчины больше реагируют на изменения солнца.

Психотерапевт напомнил, теорию о лунной фазе предложил к обсуждению Безруков Геннадий Игоревич, адвокат

подозреваемого профессора Ястребова А.М., а ведь дело адвоката – это защита клиента. Так что, улыбнулся психотерапевт, в данном контексте трудно рассуждать о соответствии сказанного истине.

«Между нами»:

«Профессор Андрей Ястребов, подозреваемый в убийстве и расчленении аспирантки и своей любовницы Ксении Есеевой, на другой день после убийства прорабатывал деловой график на неделю. Об этом в своем Facebook-аккаунте сообщил историк П.З. По его словам, в телефонном разговоре 9 ноября, когда Ксении уже не было в живых, Ястребов обсуждал с ним запланированную на среду телевизионную запись его выступления. Андрей Михайлович посетовал, что его планы изменились в связи с тем, что его квартиру ограбили и поэтому он опасается визитов чужих людей и вынужден отменить запись. Но когда П.З. предложил провести интервью в стенах вуза в перерыве между занятиями, профессор дал согласие». «Сейчас, когда я вспоминаю об этом разговоре, меня бросает в дрожь. Я боюсь и подумать о том, что случилось до и после нашей беседы», – признался П.З.

«Тут и там»:

Актёр Д.В. в Instagram поделился с фолловерами, что ещё полтора года назад в ЖЖ он опубликовал видеозапись выступления известного писателя Иннокентия Отлыгина о профессоре Андрее Ястребове, с которым у Отлыгина шли судебные тяжбы. В том же видеовыступлении писатель рас-

сказал о давней истории отношений Ястребова с другой молоденькой студенткой десятилетней давности.

«Профессор Ястребов избивал привязанную к стулу жертву». По словам артиста, судебное разбирательство по непонятным причинам так и не состоялось, несмотря на поданное заявление и медицинское заключение о побоях. И вот, опять гром грянул: Ястребов в роли палача.

«Открытая мысль»:

Удивительные вещи стали происходить в нашем городе после обнаруженного в реке профессора-убийцы в обнимку с отпиленными женскими руками. Под впечатлением случившегося к месту, где нашли рюкзак с руками убитой аспирантки, стекается народ. Сюда начали водить экскурсии. А одна молодая особа и вовсе прыгнула в реку в бумажной треуголке Наполеона с криком «Vive la France» («Да здравствует Франция»).

Как передаёт портал 88.ru, прыгунья является поклонницей профессора Ястребова и решила с друзьями реконструировать событие. Её слова были подтверждены прыжками в реку двух других молодых людей в наполеоновских треуголках. «Это просто такая метафора, – объяснили свой поступок бонапартисты. – Благодаря метафоре мы как-то по-новому начинаем ощущать боль нашего кумира». Данную реконструкцию событий они записывали на камеру.

Глава 5. «Всегда на связи. Информканал»: Магия профессора Ястребова

Кажется, профессор Ястребов умел привораживать красавиц как настоящая «синяя борода». К такому предположению мы пришли, прочитав давнее заявление в полицию одной из подружек профессора. Имя она просила не обнародовать, поэтому назовём её условно Надеждой. (Это произошло за много лет до того, как Ястребов влюбился в двадцатилетнюю Ксению Есееву.) Так вот. После бурного и продолжительного романа очарованная своим возлюбленным Надежда, наконец, пришла в себя и решила с ним расстаться. Но не тут-то было. Андрей Михайлович не только её избил, но и запугал так, что та ещё несколько месяцев вынуждена была покоряться его пылкой страсти. В противном случае, обещал профессор, ей не жить.

Несмотря на её заявление в полицию и жалобу в прессу, никто не отозвался и не помог несчастной.

Сегодня нам удалось связаться с Надеждой.

– Вы хотите вытащить на свет ту историю с избиением вас господином Ястребовым и повторно заявить в полицию?

– Нет. Зачем ворошить прошлое.

– После случившегося вы рассказали родителям, что профессор избил вас? Ведь они видели, что вы в синяках?

– Я не хотела их беспокоить. Сказала, что упала.

– Вы знали, что Ястребов меняет девушек?

– Да, знала. Он славится этим. Такой, знаете, эпатажный.

– Как вы познакомились?

– Я с ним сблизилась, когда училась на последнем курсе. Он преподавал у нас. Он был очень галантный. Приходил к нам домой, приносил угощение, цветы. Он очаровал моих родителей. Мы с родителями по его приглашению посещали реконструкции.

– Вы знали, что он официально женат?

– Да.

– У вас была с ним совместная научная деятельность?

– Да. Я владею французским и английским языками, помогала ему с переводами текстов о Наполеоне. Он гениальный историк.

– И в это же время у вас с ним были любовные отношения?

– Да. Мы любили друг друга.

– Долго?

– Несколько лет.

– А потом?

– Я познакомилась с прекрасным юношей, рассказала Андрею Михайловичу и предложила расстаться. Но он взбесился. И избил меня.

– А потом?

– Я продолжала встречаться с Андреем Михайловичем.

– А тот юноша?

– Его пришлось забыть.

– Но как вам удалось сбежать от Ястребова?

– Мы поехали во Францию на очередную реконструкцию, там я привлекла к себе внимание одного влиятельного человека. Он оказывал мне знаки внимания. Это ужасно не понравилось Андрею Михайловичу, он подрался с моим ухажёром. А мне сказал, что убьёт меня. Я собрала вещи и улетила домой.

– Но вот он вернулся в Россию и....

– И не нашёл меня. Я эмигрировала в другую страну. Вышла замуж, как раз за того самого ухажёра. (Смеётся).

– Вам крупно повезло.

Глава 6. Телеканал «Срочно24» о громком убийстве в нашем городе

Адвокат расчленителя вспомнил о Божьем суде.

В интервью телеканалу «Срочно24» адвокат Безруков Геннадий Игоревич высказал особое мнение по поводу судьбы подзащитного 63-летнего профессора Ястребова, расчленившего свою 24-летнюю сожительницу, коллегу по научной работе Ксению Есееву.

Адвокат напомнил, что Андрей Ястребов, человек пожилой, смог выжить после длительного пребывания в ледяной реке. И то, что он не утонул или не умер от переохлаждения, и даже не простудился, свидетельствует, по мнению Геннадия Безрукова, о некоей милости Божьей к Ястребову.

«Господь дал ему (Ястребову) время на покаяние. И это ли не милость Божья? Фактически, уже не мы, люди, а сам Бог ведёт это дело. Мы видим суд Божий в прямом действии. Более того. Не через это ли преступление тот, кто его совершил, захочет услышать голос Бога, призывающего к себе не только праведников, но и грешников к покаянию, и пойдёт уже совсем новой дорогой по этой жизни, чем шёл до страшного часа совершённого им преступления».

Адвокат выразил уверенность, что уже сейчас можно говорить о переосмыслении Ястребовым собственной жизни.

«Андрей Михайлович задаётся в эти дни новой для него жизни вопросом, зачем вообще жил на этой земле, ради чего писал научные труды, если теперь, за несколько минут, он из порядочного, заслуженного учёного вдруг превратился в грязное животное? Он говорит о том, что не стоит смысла та жизнь, в которой человек живёт исключительно одним собой, своим «я», своей славой, своими пристрастиями, и не видит ни неба над головой, ни людей вокруг себя».

И нам ли, обычным людям, говорит адвокат, «отказывать человеку в праве на защиту, в праве на покаяние, нам ли оскорблять, навешивать ярлыки на того, кого уже судит Бог и даёт ему ещё один шанс начать жизнь с чистого листа».

Глава 7. Телеканал «Культурная жизнь»

Народный артист В.С. назвал непозволительной пиар-компанией тот ажиотаж в прессе, который наблюдается как в нашей стране, так и за рубежом, в связи с бесчеловечным убийством аспирантки Ксении Есеевой её научным руководителем профессором Андреем Ястребовым.

Народный артист В.С.:

– С одной стороны, то, что привлечено внимание всего мира к этому преступлению, послужит для кого-то уроком, и быть может, остановит чью-то, готовую к преступлению, руку. Не исключено, поможет обуздать те животные инстинкты, что просыпаются порою в людях в минуты неконтролируемого гнева. Но в целом, мне кажется, не стоит так много показывать и рассказывать, выкладывать столько подробностей обо всём этом ужасе. Зачем, спрашивается, по телевизору показали отпиленную женскую голову, найденную в квартире Ястребова?!

Моё мнение: я обеими руками голосую за смертную казнь именно для этого человека. Его в этом возрасте уже вряд ли чему-то можно научить или исправить. Тут, как говорится, тяжёлый случай. Конечно, кому-то хочется сделать скидку на ревность, страстную любовь, и так далее. Ну... Не знаю-

не знаю. Одно дело любовь до гроба, другое дело, когда ещё и тело расчлениают. На минуточку, вдумайтесь, расчленить тело – это не в угаре, это не аффект. Это сознательная, длительная, тяжёлая физическая и, подчеркну, ещё и психическая процедура. Тут надо иметь стальные нервы и выдержку.

Смертную казнь, только смертную казнь извергу. Это же сколько в человеке заложено зверства, да его и человеком называть нельзя. Нелюдь. Животное, вот что. Удивительно, как он там ещё преподавал, как с молодёжью общался... И чему вот такие могут научить наших детей?! Страшно с таким человеком рядом находиться. И в обществе таким людям не место, надо их не просто изолировать, а убивать!

Глава 8. Телепередача «Якорь правды»: «Старый убийца юной красавицы. Как и когда»

Ведущий:

– Профессора Ястребова после совершённого им убийства аспирантки уволили с работы. Как сообщили в пресс-службе университета, такое решение соответствует статье Трудового кодекса «Совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы». Что дальше? Об отношениях Андрея Михайловича Ястребова с женщинами наш разговор в студии – с одной из знакомых убийцы, Инной Ивановной Холодовой. Имя, отчество и фамилия изменены. Предупреждаем: женщина сидит спиной к камере, чтобы никто не увидел её лица.

– С Андреем я была знакома ещё до появления в его жизни Маши, его первой жены. Когда он познакомился с Машей, она училась в школе. Но интимная близость между ними случилась... м-м-м... ну, попозже.

– Откуда такая уверенность?

– Ну, как бы это сказать... Словом, я это точно знаю. Андрей был увлечён до сближения с Машей... ну, словом, дру-

гими девушками.

– Хорошо, тогда вопрос сформулируем так: а вы лично когда познакомились с Машей?

– Когда Андрей на ней женился. Он меня с ней и познакомил.

– Они что, полюбили друг друга?

– О, ещё как. Очень. Он вообще такой мужчина, способен на пылкую, страстную любовь. Без сильного чувства не станет с девушкой встречаться. Так вот, Андрей обожал Машу. Не жалел на неё денег.

– Опишите Машу.

– О, эта девушка поражала всех вокруг не только своей красотой, но и бесконечным смирением. Это было абсолютно кроткое создание с ясными глазами. Она была безгранично предана Андрею. Буквально смотрела ему в рот. К слову, будь она другой, он не сблизился бы с ней. Он выбирал себе только таких, чтобы смотрели ему в рот и беспрекословно подчинялись. Но вдруг, не приведи Боже, девушка посмеет показать свой нрав, строптивость, то – всё, конец любви. И, скажу вам, обычно так всё и происходило в любовных романах Андрея. Ведь он подбирал себе исключительно очень юных. И каждая из них со временем взрослела, умнела, и училась быть более критичной. И как правило, стремилась освободиться из оков рабыни, стать самостоятельным, полноценным человеком. Вот это и бесило больше всего Андрея. Дай ему волю, кажется мне, он устроил бы себе гарем,

и держал взаперти любовниц. Девушки с характером – это не из тех, кого Андрей Ястребов привечал.

– Именно по этой причине он бросал своих любовниц? По причине их взросления?

– В том числе. Он испытывал страсть лишь к очень-очень юным. Он не мог смириться с тем, что очарование с возрастом исчезает, а потому находился в постоянном поиске этого очарования, в погоне за свежестью и красотой. Ещё он был тем мужчиной, который себя чувствовал на коне лишь тогда, когда его душа пылала любовью. Ему требовалось постоянное и самое горячее состояние влюблённости. Он искал его так настойчиво, как будто от этого зависела вся его жизнь. И он его неизменно находил. И каждый день он поэтому горел счастьем. Потому что всегда, днём и ночью, кого-то любил. И любил, разумеется, только свежую, только юную и только очень-очень красивую. Его распорядок жизни я бы сравнила с жизнью завсегдатая цветочных выставок, на которых можно приобретать всё новые и новые чудные экземпляры.

– Как долго продолжались его многочисленные романы?

– Если это было серьёзное увлечение, то на каждую связь уходило в среднем около года. Помимо продолжительных романов было немало и одномоментных встреч.

– А знаете что... Расскажите-ка, пожалуй, поподробнее о том, как шла его жизнь с первой женой Машей?

– О, Маша для Андрея была богиней и центром вселенной.

– Вы серьёзно? Неужто другие дамы для него перестали существовать?

– Ну-у, нет, конечно. Он не способен не замечать красивых женщин, даже будучи во влюблённом состоянии.

– И что же? Как это отразилось на отношениях с Машей?

– Он, повторяю, обожал жену, и она того стоила, это честно. Она была просто обворожительной милашкой. Но, повторюсь, Андрей не изменял и привычке кокетничать с прочими красавицами.

– За спиной жены?

– Нет, ну что вы. Андрей авторитарный человек, деспот. Он привык делать то, что хочет, не считается с чужими мнениями или вкусами, а тем более своей дамы. Женщина для него это некий предмет искусства, достойный восхищения, но не достойный, гм, я бы так выразилась, уважения, что ли. То есть он не считал нужным обращать внимания на то, понравится или нет даме сердца его поведение. Он вообще не считал нужным жить с оглядкой на подобное, он вёл себя не как женатый, а как холостой мужчина. И в присутствии жены мог не просто кокетничать с чужой красоткой, но даже и приударить за ней.

– Вы сказали – «приударить». Интересно. А как это выглядело? Может, поясните на примере?

– Да этих примеров тьма. Вот хотя бы ситуация с балами. Ведь Андрей был организатором таких, знаете, светских приёмов в своей квартире. Эти приёмы выглядели как ро-

мантические балы, где танцевали дамы и господа в старинных нарядах. Всегда много было именитых гостей, высокопоставленных особ, и, конечно, хватало симпатичных девушек.

– Вы бывали на этих балах?

– Да, я там тоже танцевала. Так вот, Андрей прямо при жене волочился за красавицами. Однажды он, будучи уже выпивши, стал приставать к миленькой девице в пышном белом платье. Там же присутствовал известный журналист западного издания, наш общий друг. Этот парень с самого начала положил глаз на эту, приглянувшуюся также и Андрею, милашку, и много танцевал с ней. И тут, о-па, начались приставания подвыпившего профессора к чужой девице! Журналист был поражён нахальством своего товарища... Словом, он в глаза высказал Андрею возмущение, назвал его двуличным человеком, и на этом их дружба была навсегда прекращена.

– Понятно... Ну, а с Машей-то что? Она-то как реагировала на подобное?

– Маша, да, она переживала. Ведь она любила Андрея. Она не могла смириться с тем, что Андрей игнорировал законы супружества и продолжал вести холостяцкий образ жизни. Его квартира по-прежнему была центром богемной тусовки. Даже когда Маша родила ему сына, Андрей не изменил образа жизни. А на просьбы жены прекратить в квартире оргии заявлял, что не потерпит ничьих советов и будет

жить так, как сам считает нужным. Забегая наперёд, скажу, что в конце концов он предложил Маше с грудным сыном переехать жить отдельно, ибо младенец в подгузнике не вписывался в привычный Андрею светский антураж его квартиры. «Это несовместимые вещи – пелёнки, подгузники, запах детских испражнений, а рядом – высокие гости, балы, бюст Наполеона», – говорил он. В конце концов, он влюбился в Марину, свою будущую вторую жену, и стал водить её к себе домой. Однажды был такой случай. Маша вернулась домой с работы (это было до её переезда в другую квартиру), а там весёлая гоп-компания.

– И вы там тоже были?

– Да. Мы были как раз у Андрея в гостях. Там же была и Марина. Феерическая длинноногая с тонкой талией красавица, на вид ей можно было дать не больше шестнадцати лет. Шикарно разодетая. И вот пришла Маша. Она молча окинула взглядом всех, и так же молча ушла... Ну, а вскоре он объявил, что будет разводиться. Сказал, что от прежней жены не осталось ничего того, что когда-то ему в ней так нравилось. «Она превратилась в злую мымру. Маша до замужества и Маша после замужества – это два разных человека», – сказал он. Он вообще всегда был склонен в разных неприятных ситуациях винить кого угодно, только не себя.

– Они легко развелись, без скандалов?

– Он дал ей денег, и она больше не появлялась в его жизни.

– Он был богат и влиятелен?

– Относительно. У него были достаточно крутые связи с крутыми людьми. И он всегда мог к ним обратиться за помощью. Правда, Андрей ещё и склонен к хвастовству. Любил позировать, пускать пыль в глаза. Ему всегда хотелось выглядеть в глазах других очень-очень важной персоной. И он старался выпятить лишний раз свои связи, где-то рассказать о людях знаменитых, с которыми накоротке как бы... Однажды был такой случай. Андрей принял решение участвовать в избирательной компании.

– На местном уровне?

– Нет, что вы. Местный уровень для него мелок. Он называл это работой на побегушках. А вот на самом высоком уровне он был готов побороться за власть. Правда, забегаю вперёд, скажу, что ничего из этого не вышло. Так вот, я была членом его команды, и отвечала за предвыборную кампанию. В тот период он всем рассказывал красивую историю, что его кампанию якобы финансирует какой-то там высокий заморский принц. Имён здесь называть не буду. Но подобные утверждения больше походили на выдумку профессора. Если бы кто-то финансировал, то, наверное, нашлись бы деньги заплатить нам, членам его команды. Мы тогда изрядно поднапряглись, но как выяснилось – безвозмездно.

– Странно. Это неизвестная страница его биографии. Обычно о нём писали исключительно как об историке, а не политике.

– Так оно и есть. История и есть основное занятие профессора. А во власть он пытался пройти, как я думаю, чтобы получить рычаги влияния на людей, чтобы потешить своё непомерное тщеславие, ну и, конечно, ему хотелось разбогатеть более основательно.

– Его привлекали деньги?

– Вы ещё спрашиваете. А кого деньги не привлекают? Историческая наука не была для него источником больших заработков. Тем не менее он писал книги, научные труды, публиковался в иностранных изданиях, и это приносило какую-то финансовую прибыль. Деньги ему были нужны в первую очередь, чтобы покорять молоденьких красоток. У него в голове сидела мысль, что от количества денег зависит и вопрос успешного приобретения новых девочек в его коллекцию любви. Причём, он считал, что статус в обществе будет повышаться, если он будет мелькать там непременно под ручку с очередной юной пассией. Он любил говорить, что самая лучшая девушка та, с которой не стыдно появиться в высшем свете. Он придавал очень большое значение внешности своей дамы. В его понятии такой девушкой могла быть девушка-статуэтка, девушка-модель. И эти «статуэтки» для появления в высшем свете он менял весьма регулярно. Он не позволял своей коллекции покрываться пылью. На подобном эстетическом пунктике он был буквально помешан.

– Его эстетство относилось ведь не только к женщинам?

– Разумеется. Его эстетство – это целая философия. Он

превозносился своим воспитанием, образованием, культурой. Он считал себя очень культурным и выше всех остальных на голову. И это сквозило в выражении его лица, в манере презрительно, свысока смотреть на людей, насмехаться над ними как над людьми менее, чем он, образованными, менее культурными... Он любил рассуждать о толпе, о быдле, говорил, что наш народ – это отстой, это безмозглость, это обыватели с низменными инстинктами, бескультурье. Он выпячивал свою эрудированность. Гордился богато обставленной квартирой, антиквариатом, безделушками всякими. Однажды я пришла к нему, вижу – новые обои. Я не знала, что эти обои расписаны пчёлками под «Версаль», ну, и говорю: «Ой, букашки!» Он тогда, помню, довольно ядовито высмеял мою неграмотность.

– Слушаю вас и, знаете, о чём думаю? Не догадываетесь?

– Нет.

– Вот вы говорите о нём как о большом эстете. А я думаю, и как же этот великий эстет сумел распилить тело жертвы?

– А, да, кстати. Я когда об этом в телеке услышала, чуть со стула не упала. Просто в голове не укладывается. Ястребов был ну просто патологически брезгливым человеком.

– Ну, вот это, кстати, его и подвело. Он же сам и расска-

зал следствию, что когда начал пилить тело убитой, то почувствовал такую дурноту, что стал срочно заглушать это дело алкоголем. Ну, и нажрался так, что ноги не держали, вот и свалился в реку. Благодаря чему и взяли, как говорится, с поличным.

– Да, я была страшно удивлена. Зная его патологическую брезгливость, услышать, что он расчленил самостоятельно труп... До сих пор не могу в это поверить.

– А вы как бы объяснили подобное?

– Знаете, а ведь, пожалуй, объяснила бы. И вот чем. Его ещё одной патологией. Это тщеславие. Ястребов не просто тщеславен, он безумно тщеславен. Полагаю, что когда он убил Ксению, то первым делом озаботился проблемой, как выйти сухим из воды, чтобы не потерять репутацию, не потерять вес в обществе, чтобы остаться прежним баловнем судьбы. Вот что для него крайне важно. И поэтому патологическая любовь к своей славе победила в нём патологическую брезгливость и вынудила взяться за пилу. Он был уверен, что сможет замести следы и останется в глазах общества порядочным, уважаемым и культурным. Но вы правы, выпивка, призванная по его разумению сыграть роль наркоза в момент распилки тела, сыграла с ним плохую шутку. Так что выйти сухим из воды не только в переносном, но и в прямом

смысле не получилось.

– А вообще Ястребов что, алкоголик?

– Не знаю, как сейчас, но в ту пору – нет, алкогольной зависимостью не страдал.

– В ту пору – это когда?

– Ну, когда я с ним общалась. Это примерно лет двадцать назад.

– Но вот писатель Иннокентий Отлыгин утверждает, что Ястребов «не просыхал».

– Отлыгин что говорит и почему так говорит – не знаю. К тому же Отлыгин молодой, двадцать лет назад он ещё в школу ходил и не мог знать в ту пору Ястребова. А вот то, что я сама видела, это точно – алкоголиком Андрей не был. Но зато у него была культура питья. Ещё когда он был студентом, то взял из дома семейную реликвию, кто-то подарил его отцу, известному учёному-физику, красивую бутылку старинного вина. Андрей эту бутылку использовал как прекрасный повод пустить пыль в глаза гостям, и пил только из этой бутылки. Говорил, типа коллекционное. Любил, конечно, выпить хорошего вина, но в меру, не напивался до

бессознательного состояния. И любил показать всем, что он галантный, воспитанный. Гостей провожал, вызывал такси. Мог посреди ночного города спеть для гостей оперную арию на французском языке. У него ведь прекрасный тенор. Он любил почудить. Да, этот человек был самодуром. Но не таким, чтобы сейчас называть его чудовищем, как об этом пишут.

– Вы прям защищаете его...

– Не защищаю, а стараюсь быть объективной. Не люблю, когда людей начинают травить. Я, к слову, потому и ко второй его жене испытываю уважение сейчас, когда она, узнав о случившемся с Ястребовым, предлагала забрать бывшего мужа к себе домой на период следствия.

– А как быть с тем, что, как рассказывают знавшие его люди, Ястребов вырывал зубы у лошади? Это не чудовищно?

– Я видела это интервью, на которое вы ссылаетесь. Да, известный тележурналист в связи с тем, что Ястребов вырывал зубы у лошади, назвал его жестоким. Но надо разобраться в причинах, прежде чем делать выводы. Почему Ястребов вырывал зубы у лошади? Никак не потому, что это ему доставляло удовольствие. Ястребов фанател во время участия в военных реконструкциях. Когда вживался в роль француз-

ского генерала – просто до неузнаваемости перевоплощался, и был он, кстати, в этом плане величайшим актёром. И был он не жестоким, а пунктуальным. Он стремился к исторической достоверности в реконструкциях.

– Гм, если следовать такому принципу, тогда следовало и людей убивать. Так ещё достовернее.

– Не будем утрировать. Но он действительно был вот таким, слишком усердным, что ли. И поэтому считал, что можно пожертвовать лошадью, но добиться натуральности реконструированных событий. Он во всём, что касалось реконструкций, ставил на первое место правдивость, историческую достоверность. Он стремился к абсолютной натуральности. Для него в такие моменты не существовали земные проблемы. Если требовалось поставить палатку, то непременно там, где она исторически действительно стояла. И он требовал установить эту палатку только в том месте, где она стояла двести лет назад. А если ему говорили, что место затопленное, сырое, и люди простудятся, он не воспринимал подобных объяснений. Это было за гранью его понимания исторической правды.

– Так он любил лошадей или нет?

– Любил он лошадей, любил. Дались вам эти лошади. У него ведь была своя лошадь. Держал её на конюшне. Он навещал её, катался.

– Да уж, наслышаны. Весь город знает эти прогулки местного Наполеона на лошади.

– Ну да, людское внимание здорово тешило его самолюбие.

– Но мы не закончили предыдущую тему женитьбы. Кто из них первым озвучил идею развода?

– В той ситуации уже было неважно, кто первым заговорил о разводе. Ведь если человек не живёт интересами семьи, брезгует бытом, ничего не может сделать по дому и не помогает жене по хозяйству, то о какой семье речь? Да ещё гнушается ребёнком, и ставит свою работу и развлечения на стороне – выше семейной жизни. Подобное уже не вопрос к тому, задевает это жену или нет, ведь тут поведение мужчины – свидетельство того, что семьи нет.

– А вы говорили об этом с Машей, с Андреем?

– Говорила. Маша сказала, что Андрею наплевать на сына. И это для неё стало самым главным разочарованием. Ну, а сам Андрей высказывал такие нелепые вещи, что казалось, это позиция подростка, которому взрослые не дают играть в войнушки.

– А как он объяснял равнодушие к сыну?

– «Я веду возвышенную жизнь наполеоноведа, учёного, ко мне приходят знаменитые люди, у нас светские раунды. И вдруг – детские вопли-сопли... Фу! Это не имиджево». Примерно так высказался.

– Он что, и правда не любил сына?

– У него было своеобразное отношение к мальчику. Помню, его приводили к папе в кабинет. Ястребов гладил его по

голове и говорил: «Вырастешь, генералом станешь». И всё. Мальчика уводили. Что касается того, любил или не любил сына. У меня впечатление, что Ястребов не дорос до отцовства, он общался с ребёнком, ну, как с игрушкой, на которую у него хватало терпения на минуту. Ему было, как мне показалось, скучно с сыном. А любил его или нет, ну, не знаю.

– И что дальше?

– Он ещё был женат на Маше, но уже жил с Мариной.

– И как, при Марине квартира стала более «имиджевой»?

– Не-а. Ещё хуже. При Маше хоть было ощущение семейного уюта. Маша следила за чистотой, была хорошей хозяйкой, пекла пирожные, придумывала вкусные блюда. Её огромные рыбные пироги были невероятно вкусными. Марина ничего этого не умела или не хотела. Очень скоро в квартире запахло плесенью, ну и магазинными полуфабрикатами. Она не любила готовить, и покупала в кулинарии готовые блюда, которые требовалось разогреть.

– А что стало с Машей после развода?

– Очень скоро она заболела. И умерла. Сына забрали к себе на воспитание родители Маши. Но вот насчёт её смерти...

– Что?

– Странная смерть, непонятная. Теперь, после того, как он убил, тем более подозрительной кажется смерть его первой жены.

– Почему же, если болезнь неизлечимая, то ничего подозрительного. Сколько вокруг людей от подобного уходит в расцвете сил.

– В том-то и дело, что Маша ушла именно в расцвете сил, внезапно. И ничем не болела, не жаловалась, а тут раз... Сто-рела вмиг.

– А, ну, это уже паранойя. Давайте о Ястребове продолжим. Что говорил он о первой жене?

– Знаете, о бывших он всегда говорит одно и то же. «Она превратилась в злобное чудовище». И о Маше так говорил, а потом и о Марине.

– А ведь и о Ксении Есеевой, помните, он тоже так сказал.

– Да, я по телевизору слышала. В этом весь он.

– На ваш взгляд, Ястребов любил Ксению?

– Конечно. Это вне сомнения. Он мог встречаться лишь с теми, в кого горячо влюблялся. Он был страстным челове-

ком по жизни. И он самовлюблённый. Он не допускал мысли, что его, столь великого и необыкновенного, кто-то осмелится бросить. Он считал, что только ему принадлежит право бросить женщину. Но вот женщинам он в таком праве отказывал. Вот здесь, мне думается, и кроется причина убийства. Скорее всего, Ксения задумала уйти от профессора. И он узнал об этом. Или от других, или она сама ему сказала. Видно, она разочаровалась в нём. Её глаза открылись. Она многое поняла. Осознала свою ошибку. А он подобного не потерпел.

– Это убийство – в состоянии аффекта или хладнокровное действие, ваше мнение?

– Он импульсивный человек, вспыльчивый. Необузданный в чувствах. Горячий, подверженный приступам бешенства. В порыве бешенства может и убить, как теперь видим. А был ли аффект, или нет... То, что он потом в суде рассказывал о своём аффекте, это дело десятое. Надо помнить, Ястребов обладает актёрским талантом. Он умеет влиять на людей. Не зря его приглашали на работу в театр, он снимался пару раз в кино.

– А жёны сочувствовали его историческим интересам, увлечению реконструкциями, французской историей?

– Конечно. А иначе и быть не могло. Рядом с ним могли быть лишь те, кто полностью разделял его взгляды и помогал в работе. И Маша, и Марина, а потом и Ксения одинаково активно вместе с Ястребовым принимали участие в

реконструкторских сражениях, походах, балах. Меня много раз просили прийти в их квартиру, чтобы помочь его той или иной жене в сервировке стола, в нарезании салатов.

– Какая у Ястребова квартира? Есть ли там место, где можно спрятать труп?

– Квартира огромная. Пять комнат. Высокие потолки. И уж где спрятать труп, не проблема. Тем более он строго следит, чтобы гости не разбредались по квартире. У него жёсткий регламент, и каждый делает то, что скажет Ястребов. На какой стул сесть, куда одежду повесить, ничего самовольного, никаких заглядываний в другие комнаты.

– Кстати, вы слышали новость? Дом, где проживал профессор Ястребов, войдёт в список туристических маршрутов по бандитским переулкам. Экскурсии планируют начать уже в следующий сезон.

– Так уже и сейчас туда экскурсии водят, и вообще там стихийное паломничество. Я сама видела, своими глазами. Прямо достопримечательность какая-то теперь, этот дом. Люди, которые там живут, недовольны, говорят, звонят в двери, вопросы задают, в подъезде толчея. Фотографируют, видео снимают, селфи.

Глава 9. «Оборотень», роман

Отрывок. Раздел: проза. Черновик. Сайт «Творческий подъём».

Автор: А. В.-П.

– Я не знаю, что это было. Это невероятно, – сказал он.

В зале было тихо. Он опустил голову. Ему не хотелось смотреть на людей. Но и молчать он не мог. Ему было жутко наедине со своим молчанием и с этой тишиной вокруг. Это напоминало ему ту ночь.

Вот так же было тихо в доме. Тихо на улице. И только эта страшная луна. Она словно закрывала полнеба. Огромное ночное солнце. Полнолуние. Он всегда плохо переносил его. В такие ночи он не мог спать. Его мучило что-то. Он не знал, что. Но было не по себе. А в ту ночь...

Он заметил, что говорит вслух. Ну и пусть. И продолжил.

– В ту ночь словно мурашки бежали по моему телу. Я буквально ощущал, кто-то чужой, мерзкий... ну, как это говорят, будто злой дух... он грыз меня изнутри и давил на мою душу. Я хотел выть, терзать себя, кататься по полу от неданного приступа меланхолии. Я называл обычно вот такое своё состояние меланхолией. На меня находило обычно в полнолуние. В такие ночи я пил. Пил много. А потом просто валился с ног и ничего не помнил.

Но на этот раз вместо стакана водки я решил взять в руки пистолет. Будто зверь сидел во мне, так я был зол. Этот зверь стал мною. И диктовал мне свою волю. И этот зверь говорил мне: «Убей её! Тебе станет легче!»

Я всегда ревновал её. Я боялся потерять её.

В ту проклятую ночь Ксения была как никогда красивой. Но вот что странно. Я смотрел в её чёрные глаза и видел в её взгляде – ведьму. Я по-новому вдруг увидел её красоту, под другим углом зрения: видел её чёрные-пречёрные, длинные, до самой талии, волосы, бледную, как у покойницы, кожу, хищный профиль, хищное выражение глаз, и я видел за всем этим ведьму.

О, она ведьма, вдруг подумал я с ужасом. Её алые ногти показались мне кровавыми. Её выкрашенные красной помадой губы тоже казались мне кровавыми. В иные мгновения в её чёрных глазах я видел свет красных огней, как это случается в темноте у хищных животных.

Ужас пронзал меня, я весь дрожал от непонятого возбуждения и животного страха пополам с ненавистью. Такую же ответную ненависть я обнаружил, как мне показалось, и в ней.

Мы ссорились в ту ночь. Сейчас мне уже не представляется важным, из-за чего. Сейчас мне кажется важным другое. То, что я видел в её взгляде ненависть. В её голосе я слышал злобу, когда она вопила мне в лицо: «Ублюдок!».

Ястребов поднял голову, быстро взглянул на людей, убе-

дился, его внимательно слушают.

Он сжал пальцами холодную металлическую решётку той клетки, в которой его заперли. Он сжимал решётку изо всех сил, как будто пытался сломать прутья. Он, наконец, разжал пальцы, отодвинулся вглубь клетки, закрыл лицо рукой. Была заметна грязь под его отросшими ногтями. Он сильно сутулился, и низко склонял голову, как бы желая спрятать от всех небритое, неопрятного вида, помятое лицо старого человека. Он говорил глухим, прерывающимся голосом, почти бормотал, это доставляло неудобство присутствующим и вынуждало напрягать слух, чтобы понять невнятную речь.

– Вы поймите, такого никогда не было со мной. Это впервые, – говорил он. – Это ужасно! Мы с ней оба потеряли контроль над собой. Я не понимаю, как всё это произошло. Я ведь прожил долгую жизнь. И любил многих женщин, и меня любили. И были конфликты, ссоры. Но чтобы такое... Это чудовищное несчастье.

Он путался, говорил бессвязно. Перескакивал с одной мысли на другую. Начиная плакать, плач переходил в рыдания, он бился головой о решётку. Адвокат подавал ему стакан с водой. Он делал глоток, и снова говорил о той агрессии, которую не может понять, о тех страшных поступках, которые он сам не знает, как совершил.

– Это был не я, понимаете? Я не могу поверить, что это был я, – он снова рыдал. – Ведь я любил, любил её, понимаете? Я ещё раз говорю: в моей жизни никогда ничего подоб-

ного не было! Я ещё раз говорю: девушка была истинной королевой, и вдруг превратилась в ведьму. Она бросилась на меня с ножом!

– Наглое враньё! – крикнули из зала.

С места вскочила девушка-журналист:

– Я читала в сети отклики близких, она была ангелом, она не способна на агрессию, вы лжёте!

Он не обращал ни на что внимания. Посторонний крик не произвёл на него впечатления. Он ощущал себя затравленным зверем, он был готов к унижению. Ему казалось, он желает суда линча. «Я именно – то и есть», – думал он о себе, подразумевая под этим самое низменное, жуткое, мерзкое, что может быть на этом свете.

– Неужели вы не понимаете, перед нами – оборотень! – поднялась с места женщина в дымчатых очках, в тёмной одежде. – Этот человек – не человек. В нём сидит бес! Его надо на отчитку!

Глава 10. «Сумасшедшие», роман

Черновик. Отрывок. Автор: И.П. Сайт «Лицом к лицу».

– Забудем о времени. Забудем то, что осталось за стенами этого дворца, – объявил мужчина в пышном белом парике и в чёрном фраке.

С этих слов начался бал.

– Дамы и господа! Прошу поднять ваши бокалы за мою прекрасную даму! – произнёс на французском языке представительный пожилой мужчина в мундире Наполеона Бонапарта.

Взоры присутствующих благосклонно обратились к стоящей рядом с ним девушке в белом бальном платье, блестящими воланами ниспадающим до пола.

Профессора Ястребова и его очередную юную возлюбленную Ксению знали не только в обществе реконструкторов и университетской элиты, но и в городе. Ястребов привлекал к себе внимание общества благодаря выдающимся заслугам в научной сфере, а ещё как человек, склонный к ярким поступкам.

Вот какой отзыв оставил в гостевой книге Дворца приёмов один из видных зарубежных посланников, побывавший в городе Ястребова в период, кажется, ещё тех далёких девяностых:

«Пожалуй, главная достопримечательность этого города – местный Наполеон. Эпатажный, эксцентричный Ястребов удивляет общественность необычными поступками. Пляска на столах с закусками в переполненном людьми банкетном зале, дуэли на шпагах, скачки на белой лошади по центральному проспекту, чтение в пьяном виде лекций студентам... Кто этот повеса? Он – учёный. Имя Ястребова благодаря блестящим исследованиям французской истории известно в международном научном мире».

Затесавшиеся под видом французской аристократии журналисты внимательно приглядывались к ряженым. Оба разыгрывали из себя галантных поклонников воскресших мертвецов, кланялись дамам. Они для вида притрагивались к бокалам с вином, подносимым чернокожими слугами в ливреях. Оркестр наигрывал старинные танцевальные мелодии. Декольтированные жеманные дамы в длинных платьях, слащавые мужчины в странных не сегодняшних нарядах – всё это вызывало скрытую усмешку у журналистов.

– Кажется, мы не зря пришли, – тихо заметил один, наблюдая за Ксенией.

– Ты думаешь? – откликнулся второй. Он тоже любовался спутницей Ястребова. – Я пока ничего интересного, кроме всеобщего сумасшествия, не вижу.

– Вот это-то и есть самое замечательное. Я думаю, об этом и нужно писать. Как люди в современное время электроники бегут в прошлые века, чтобы превратиться в ряженных при-

дурков в белых панталонах.

– А я думаю, если и писать, так это о сумасшедшем Ястребове и его сумасшедшей Ксении. Вот те, по ком плачет перо сатирика.

– Серж, ты, как всегда, горяч и порывист, – манерно проговорил его напарник, и расшаркался, разыгрывая из себя вельможу.

Они засмеялись, прикрыв лица белыми кружевными манжетами.

– О, Пьер, ты прав. Я несносен, – проговорил сквозь смех Серж. – Но ты посмотри только, какие пылкие взгляды бросает Ксения на своего старика. Не понимаю, как может юная девица любить человека, который старше её в три раза. Это безумие.

– Или безумие, или расчёт.

– Расчёт по безумию. Ха-ха.

– Всё может быть. Но, согласишься, она хороша.

– Этого не отнимешь. В любом случае мы на верном пути. Такую любопытную информацию будет преступлением не раскрутить до конца.

– А теперь смотрим вон туда...

Приятель оглянулся. Публика вытягивала шеи, люди с интересом разглядывали вошедшего в зал красивого молодого мужчину в мундире Наполеона Бонапарта. Гость окинул людей любезным взглядом. Многие узнали в нём известного французского актёра.

– Значит, это правда! – воскликнула рядом с Пьером декорированная пожилая дама с накладными ресницами.

– Что именно? – откликнулся Пьер.

– А вы не знаете? – оживилась дама. – По городу ходят слухи, тайный русский меценат заплатил бешеный гонорар мсье Н. за участие в реконструкторских балах этого сезона в образе Наполеона Бонапарта.

Журналисты переглянулись.

Шум пробежал по толпе. Послышались возмущённые восклицания на французском языке. Люди поднимались на цыпочки, чтобы разглядеть смутьяна.

– О, да это Наполеон-Ястребов, – сказал Серж.

– Ему трудно вынести рядом с собой другого Наполеона, – усмехнулся Пьер. – Назревает скандал. Включаем видеозапись.

Ястребов уже стоял рядом с иностранцем и на чистом французском языке требовал от него покинуть бал. Знаменитый актёр с удивлением смотрел на странного пожилого человека в таком же, как у него, мундире Наполеона Бонапарта. Француз не мог понять, эти требования его двойник высказывает всерьёз, или это элемент ещё одного сценария, о котором он не уведомлён.

– Я должен представиться, – громким, звучным голосом сказал актёр на русском языке, отвернулся от Ястребова и оглядел людей. – Я здесь по велению сердца. Моя родная Франция послала меня к вам, господа, в качестве того, кого

все давно здесь ждут. Я – Наполеон Бонапарт! Я к вам напрямиком из Парижа!

Некоторые стали хлопать в ладоши. Дамы смотрели на видного иностранца с интересом.

Речь посланника Франции вызвала в Ястребове приступ бешенства. Спокойствие парижанина в сочетании с его молодостью и привлекательность ещё больше усилили злость профессора. Он бросил взгляд на подругу. Красавица Ксения стояла поодаль, там, где он её оставил, и тоже смотрела на француза в мундире Бонапарта. Ястребов вспыхнул и обратился на французском языке к участникам бала:

– Господа! То, что здесь происходит, наглое враньё! Этот, в мундире Наполеона, – Ястребов махнул рукой в сторону француза, – шут. Ему, разумеется, заплатили деньги для этого дешёвого розыгрыша. Это сделано специально, чтобы оскорбить меня, истинного Наполеона. И я догадываюсь, кто стоит за этим перфомансом. Это всем известный господин О., мой завистник, кроме него некому творить подобные гадости.

Ястребов огляделся, выискивая в толпе людей из своей свиты.

– Сюда, господа! Гоните в шею самозванца! Долой самозванных наполеонов! – закричал Ястребов.

И, обращаясь уже к французу, сказал с пафосом:

– Тебя послала Франция, а я пошлю тебя! У нас здесь один настоящий Наполеон, это я! Других нет!

Тут профессор отвесил актёру пощёчину. Люди ахнули. Кто-то из женщин взвизгнул. Подбежали рослые молодые люди. Они подхватили красавца под руки и вытащили из зала.

– Оркестр, музыку! Танцуют все! – захохотал Ястребов, схватил с подноса в руках официанта бокал с вином, залпом выпил, и уже в следующую минуту кружился в паре с Ксенией.

– Тебе удалось записать? – спросил Серж, пряча смартфон.

– Конечно, – Пьер улыбался. – Замечательно. Пойду отзвонюсь кое-кому.

Серж погрозил пальцем:

– Я так и понял, что всё это связано с писателем О.

– А я разве называл фамилии? – Пьер улыбался.

– Я чуял, ты неспроста притащил меня сюда. Отчего же не предупредил? Мог бы по дружбе намекнуть о перформансе?

– Раньше времени нельзя. Теперь можно. Но – между нами. Сейчас вернусь. А ты пока следи в оба.

Глава 11. «Не хватает!», рассказ.

Отрывок. Сайт для писателей «Посиделки-разговорчики». Автор: С.С.

– Маньяки, убийцы, насильники, террористы, чикатилы, брейвики, ястребовы.... О, эти СМИ. Тошнит.

– Вы полагаете, виноваты во всём СМИ?

– Не во всём, но... Что-то не так с ними. Негатив задолбал.

– А, вы хотите об урожаях, надоях, съездах...

– Я хочу, чтобы не смаковали подробности катастроф, зверств, или эти, педофильские... А то порой выйдешь на улицу, так на мужиков с подозрением смотришь. Знаете, чего не хватает нашему государству?

– Ну?

– Идеологии.

– Так она у нас после развала СССР согласно Конституции под запретом.

– Вот потому и говорю, не хватает.

– А какую вы идеологию хотите?

– Духовную, например. Народ потерял скрепу. Ориентиров нет. Были бы ориентиры, была бы и мораль.

– В Бога хотите заставить верить?

– Заставить-не заставить, но надо, чтобы люди кого-то боялись. А кого бояться, как не Бога. Да и власть тоже не мешало бы...

– Бояться?

– Уважать хотя бы, и то хорошо. А у нас народ разучился уважать не только власть, но и самих себя. Патриотизм? Где он? Где наш патриотизм, а? Бутики, смартфоны, тинейджеры. На хрущёвских домах: «Отель», «Суперпупермаркет»... Бургерные, пиццы-дриццы, «авеню»... Видели, на улице Горького, возле кинотеатра «Спартак», появилась

вывеска: Отель «Avenue 5». А рядом – пищерия «New York Street». Тьфу. Дикость. Где наш родной язык? Стесняемся своего. Презираем себя. Стыдимся отечественного. Выродились.

– Навеяли вы мне на ночь глядя мысли неприятные.

– ?

– О нашем местном Наполеоне, этом, маньяке Ястребове.

– Ну, это случай классический. Символ нашего времени.

– Не знаю-не знаю, классика, символ... Чушь собачья.

Урод он и есть урод. Как у нас говорят? В семье не без урода. Во все времена были вот такие и негодяи, и преступники. Причём вообще тут «символ»? Зло, как и добро, категории вечные. И всегда мир был поделён на добрых и злых. Если вы хотите искать причину этого или другого убийства в современных нравах, то, опять же, всегда эти нравы были одинаковые – были дурные, были и не дурные нравы в каждом столетии, в каждом государстве.

– Однако склонность к насилию и ко злу в наше время как-то стала усиливаться.

– Не думаю. Скорее, это СМИ нам в мозги подобное вкладывают. Но, допустим, вы правы. А чем вы обоснуете ваше утверждение? Каковы причины, на ваш взгляд?

– У народа за годы безбожия выбили из души стержень, имею в виду веру в Бога. Не стало духовной опоры на Истину. А Истина – это Христос. Наши исконные ценности христианского братства, совестливости, любви к ближнему,

стремление жить по заповедям евангельским, всё это поправно. Упрощённо говоря, появилась тенденция жить так, будто ты бессмертен и тебе всё разрешено. Над теми, у кого осталось за душой святое, смеются. Модно быть злым, и стыдно быть добрым. Модно быть ковбоем, гангстером, киллером, бэтменом, джеймсом бондом, терминатором, рэмбо, но не патриотом.

– Нет-нет, не соглашусь. Вы утрируете. Это у нас нехорошая склонность огульно всё хаять. Есть у нас много и светлого, и доброго, и народ в церкви потянулся, и церкви стали строить.

– Послушайте, это всё внешнее. Церковная обрядовость. Фарисейство. А посмотрите на поступки. Ведь гниём, страшно гниём! Коррупция разъедает, нравы молодёжи – жуткое дело, народ требует хлеба и зрелищ, на духовное – наплевать и наплевать. В церкви, говорите, идут? Так зачем, зачем они туда идут? За выгодой личной. Не для того, чтобы с помощью Божьей становиться добрее, чище и внимательнее к ближнему, а чтобы себе оценку на экзамен попросить, от болячки избавиться, от аварий защиту, и всякое такое. Они, такие просьбы, это всё понятно, житейское, почему и не попросить. Но для людей такие просьбы – это и есть смысл походов в храм, не более. Свечку за здоровье, воды от сглаза. Вот в чём для них смысл веры. В церковь – как в дом быта, чтобы требовать от Бога. А когда чего-то получают, то и поблагодарить забудут. Это разве скрепа духовная, такая ве-

ра? Да не вера это, а суеверие. Язычество. Инстинкты. Вот и вся современная духовность. А когда дело доходит до жизни, то склоки, сплетни, зависть, злоба, алчность, жадность, пожрать, поспать, похоть удовлетворить... Так и живём. А Ястребов этот, заметьте, он разве думал о Боге? Для него Наполеон – бог. Или возьмите несчастную, которую убил. Будь она верующей, так хранила бы целомудрие, до свадьбы ничего не позволяла.

– А это, кстати, и есть пример распущенности нравов.

– К сожалению, да.

– А значит, я тоже прав, когда говорю о символе нашего времени. Потому что эта пара – Ястребов и Есеева – как бы воплотила в себе то, порочное, что сегодня свойственно разнузданному миру. И довели они свою абсурдную любовь в неравном незарегистрированном браке до глобального, до катастрофы – убийства. А знаете, почему убийство у них произошло? Потому что у этой любви, а точнее – блуда, у этого блуда не было будущего. Потому что изначально не было заложено в фундаменте отношений ничего надёжного. Они по возрасту были не парой. Есеева скрывала от родителей свои отношения с развратным стариком, понимала – всё это нехорошо, противоестественно, понимала, что не получит одобрения родительского. Ясно, на чём держался этот гражданский псевдо-брак? На лжи. Ястребов был женат. Есеева сознательно разрушала его семью. В конечном итоге, брак Ястребова рухнул. Пишут, она не позволяла ему встре-

чатся с детьми, ревновала к законной супруге. Это о чём говорит? О пороке! Божьего благословения на такие порочные отношения, разумеется, не было. С самого начала оба гневилы Бога, и вот, гнев Божий грянул. Эта смерть – гнев Божий. Вот этим трагическим финалом блудной связи Ястребова и Есеевой сам Бог показал народу: смотрите, куда вы катитесь? В бездну! Остановитесь, блудники и любодейцы, задумайтесь о той геенне огненной, на которую вы навечно обрекаете свои грешные души!... Вы поглядите, что творится. Старики бросают старых жён, берут себе юных. Молодёжь вне брака развратничает. Разводы сплошняком. Абортами душат страну. Мужчины с мужчинами в отношения вступают. Вырождаемся, вот что. Вырождается наш народ. Не хватает чистоты! А главное, не хватает нашему народу – Бога! И самое страшное, народ-то наш слеп! Не видит, не понимает, в каком смраде, в каком гное живёт духом и телом, катится в бездну. Вы гляньте, как в прессе все полощут этого Ястребова, требуют его смерти, так это же они сами себя полощут. Себе приговор выносят. А судьи кто? То, что они не расчленили, не убивали, поэтому лучше, чем Ястребов? Разве? Лучше ли?

Глава 12. «Наполеон нашего времени», роман.

Глава 3. Линия защиты.

Автор: А.В.

18+ Черновик. Сайт ЛитНачало

– Андрей Михайлович, вы понимаете, что нужно выработать линию защиты?

– Понимаю.

Адвокат пристально взглянул на Ястребова.

– Андрей Михайлович, вы не должны выходить из образа отчаяния. Это единственно правильный вариант поведения в вашей ситуации. Понимаете?

– Понимаю, – кивнул Андрей Михайлович, не глядя на адвоката. – Но... Я действительно в отчаянии. Мне хочется выть, больше ничего. Я чувствую себя животным.

Он сидел с опущенной головой, низко склонившись, поставив локти на колени. Его крупные, морщинистые руки были сжаты в кулаки, лоб он прижимал к кулакам.

Он почувствовал прилив жара, его речь стала быстрой и как будто бессвязной.

– Я нахожусь в постоянном страхе. Мне страшно, что я – это я. Я никогда не был в такой ситуации. У меня выбили почву из-под ног. Я оказался без книг, без работы, без все-

го, к чему привык. Я будто животное. И теперь мне кажется, что я и раньше был этим животным. Я по жизни взрывной человек, я мог очень быстро прийти в бешенство и превратиться в животное. А в последние месяцы, до убийства... Теперь ведь, знаете, моя жизнь поделена на «до» и «после». До убийства и после убийства. То, что после, это как бы моё существование вне жизни. Я будто перестал жить. Так вот. С чего я начал. В последние месяцы, до убийства, я находился в страхе, что меня убьют. За мной следили, мне присылали угрожающие послания...

– Кто?

– Люди из окружения писателя Иннокентия Отлыгина. Они всюду за мной следили, это я точно знаю. Они ходили за мной по пятам, чтобы записать на видео что-нибудь скандальное. Провоцировали меня на скандалы. Им нужен был компромат на меня. Они шантажировали и угрожали меня убить.

– Из-за чего?

– Это длинная история. Иннокентий Отлыгин украл мои труды, написал книгу с использованием моих идей и текстов. А потом обвинил меня в плагиате. И начались судебные тяжбы. Я выиграл суд, но потом последовал другой суд. Из-за того, что я публично оскорбил Отлыгина. На этот раз уже он его выиграл. Но это лишь внешняя схема событий. Всё обстоит гораздо хуже, всё – сложнее, потому что это – по живому, это нервы. Мир поделили на своих и чужих. Нужно

быть на чеку, тот ли человек, или не тот, можно с ним говорить, или нет. Я перестал выходить из дома в тёмное время суток. Меня страшила темнота. Вдруг поджидают за углом люди Отлыгина? Нападут, избьют, искалечат. И когда она... Вы понимаете, о ком я... И когда она сказала, что уйдёт от меня, я подумал, что и она переметнулась в лагерь врага. Окружающий мир стал для меня реконструкцией жизни. И в этом реконструированном мире все, кто был не со мной, оказывались во враждебном лагере. Разве мог я воспринять иначе уход Ксении? Значит, и она теперь мой враг. Она с теми, кто против меня. Уйдёт от меня, и станет смеяться надо мной вместе с моими врагами, рассказывать им про меня и смеяться. А когда она крикнула «ублюдок», всё помутилось в моей голове. Вот тогда я стал животным. Я вёл себя так, как могут вести себя животные. Убивая Ксению, я убивал врага. Тут важно вспомнить, что в моей жизни всегда присутствовал второй план – это реконструкция. Это как бы моя вторая жизнь, и она была для меня не менее настоящей. В этой второй жизни я играл роль Наполеона. И в ту страшную ночь всё перемешалось в моей голове. Жизнь номер один и жизнь номер два. Я и Ксения, я и Наполеон. Все, кто против меня – значит, и против Наполеона. Но противников Наполеона в своём окружении я не потерплю. Потому что это вызов лично мне. И тем более Ксения. Та, которую я любил, кому доверял... Впрочем, нет. Ей я хотел доверять, но не мог доверять, потому что она молода. Она слишком

молода. А я уже стар. Разве может старый мужчина доверять молодой женщине? Конечно, нет. Поэтому я всё время ждал от неё предательства. Я следил за каждым её шагом. Это её тяготило, я знаю. И она упрекала меня за это. Но я не мог иначе. Если бы я перестал её контролировать, я сошёл бы с ума от неопределённости, от неизвестности, где она, с кем... Зная распорядок её дня, режим её работы, распоряжаясь её личным временем как своим, я хоть как-то обеспечивал себе внутреннее душевное равновесие. Но это равновесие было зыбким. Я находился в подвешенном состоянии. Я находился в положении человека, над головой которого дамоклов меч. И этот меч она обрушила на мою голову, когда сказала «ублюдок». Этим она вынесла приговор самой себе. За этим вот её «ублюдок» я прочёл всё, что было нужно. Этим она сказала, что перешла в лагерь врага, что я больше ей не друг, и доверять больше друг другу мы никогда не сможем. Назвав меня «ублюдком», она подтвердила мои подозрения, что ей надоела моя старость. Она как бы напомнила мне о том, что она слишком молода, а я слишком стар, что у неё впереди долгая жизнь, а у меня эта жизнь на исходе. И я почувствовал, как во мне вместе с яростью ещё более усилилась зависть к её молодости и к той будущей долгой жизни, где она будет без меня. И когда я пресёк эту жизнь в ней, я стал счастлив. Это было счастье животного, сумевшего перегрызть глотку своей жертве.

Глава 13. «Час открытого мнения».

Прямой эфир. Тема: «Профессор Ястребов. Вирус ненависти»

– Друзья, «Час открытого мнения». Мы в прямом эфире. Звоните в студию. Обсуждаем тему, взволновавшую общество: убийство известным учёным Ястребовым своей возлюбленной – аспирантки Есеевой. Первый звонок. Москва. Слушаем вас.

– Моё мнение: случившееся – это результат философии убийцы и образовавшихся на этой почве инстинктов. Ястребов, несомненно, глубоко образованный человек, талантливый учёный, исследователь истории. Как личность незаурядная, он воспылал любовью в первую очередь к самому себе, и уже через призму собственного величия оценивал мир и с позиции себя-«бога» собственноручно как бы руководил этим миром. Такие иррациональные личности, как Ястребов, вполне могут быть не только фаталистами, но и нарциссистами. Ястребов полагает, что способен оказывать решительное воздействие на действительность, менять судьбу мира, людей, и свою собственную. К нему отнюдь не подходит поговорка «Дурак считает себя умным. Умный переживает, что недостаточно умён». Он-то как раз тот умный, который

знает о своём уме, и этим превозносится. Эпатажный, тщеславный, он склонен к яркой аффектации, но не к конформности. Другими словами, он не просто уверен в верности выбранных им жизненных ориентиров, но он вжился в придуманный для себя образ, и уже ни при каких условиях не в состоянии из него выйти. Это актёр, забывший после выхода из театра, что он актёр, и продолжающий до самой смерти играть заданную ему роль. Он находится в пограничном состоянии между самоконтролем и obsессией, том состоянии, когда навязчивые мысли уже выходят из-под контроля и человек рискует превратиться в параноика. Историка Ястребова я бы назвал не просто продуктом нашей среды, но и её символом. Это, если хотите, пример глубокой трансформации личности в переломный и судьбоносный для страны период отречения от былого.

– Вы имеете в виду эпоху девяностых? Распад СССР?

– Можно и так выразиться. Но я бы хотел ещё глубже посмотреть на эту проблему. Ястребов – это некая субстанция, впитавшая в себя то, что мы называли бы ассоциальным, а также вражеским нашему национальному духу истории. Он тот, кто не принял ничего своего на той земле, где его родила мать, воспитали родители. В простонародье таких называют выродками. Почему это с ним произошло? Однозначного ответа дать нельзя. Можно лишь задавать вопросы. Не потому ли начались перекосы в общественном сознании, что произошла революция, или, как сегодня мы говорим – пере-

ворот, в 1917 году? И потом на обломках некогда великой державы выросла другая, тоже по-своему великая, держава. Но и её не уберegli. Новый переворот. Новый распад. Всё это, полагаю, на генетическом уровне срикошетило и затем шибануло по психике наиболее чувствительной части последующих поколений. Известно, что яркие личности с кодом гения чутко реагируют на подобные исторические и национальные раздражители. Эти гении как раз и восприняли, впитали в себя дребедень исторических пертурбаций. Это стало для таких, как сир Ястребов, на уровне подсознания подспудной внутренней памятью о случившихся трагедиях в истории его народа. И внутренняя память отторгла данный стресс, а личность – взбунтовалась. После чего код гения стал раскручиваться по своим законам в противоположную от общепринятых норм сторону. В итоге он дораскручивался до той точки, откуда пошли источники волн разрушения. В случае с другим гением, быть может, эти волны могли дойти до более ранних веков. У каждого свои реагенты и свои реакции. У Ястребова цикл взаимодействия с прошлым остановился на фазе наполеоновских свершений и побед. И вот там и стал жить. Или, скажут иные, забуксовал. Застрял. Как бы то ни было, Ястребов стал носителем не просто идеи наполеоновского триумфа, он стал носителем вируса ненависти по отношению к нашей Родине. Всё иное, то бишь французское в его случае, им превозносилось и вызывало в его душе бешеный патриотический духоносный подъём. Всмотр-

ритесь в его глаза, в его лицо на этих, размноженных в интернете, видео и фото. Сколько искреннего пафоса, веры в победу, желания идти и сражаться до конца. Но пафос во имя чего? Сражаться за победу какой страны? Неужто России-матушки? Ну, вы понимаете, о чём я. Его реконструкции «понарошку» были на самом деле не иллюзорны. Это не были миражи в его понимании, потому что это лишь было отражение той внутренней реальности, которая существует в его голове.

– И какой вывод вы хотите сделать? Есть ли у вас ответ на вечные вопросы: кто виноват? Что делать?

– Как я уже сказал, ответа однозначного нет. Вместо ответа есть много вопросов. Но если вы хотите, чтобы я подвёл черту, сделал конкретный вывод, то это прозвучит, быть может, примитивно. В моём понимании Ястребов – это проекция прошлого на сегодняшний день. Его матрица – сверхъестественное нечто. Инаковость. Перевернутость. Условно называется эта матрица – Наполеон, расшифровывается как враждебность к сегодняшнему дню – не только русского, но и любого другого мира. Можно сказать и шире: это враждебность вообще к людям, потому что они – ниже Наполеона, ниже Ястребова. А значит, это отторжение любого человека. Это, если хотите, нищезанство. Ненавистничество, проистекающее из мании величия. Но я бы не спешил называть Ястребова маньяком. Что касается жертвы, несчастной, задуренной им, девушки. Она в восприятии нашего русского

Наполеона – ещё один допинг для развития его эгоцентрической идеи возвышения над всем и вся. И как только он учуял попытку бунта с её стороны, он стал воспринимать её как антагониста, как представителя вражеского лагеря.

– Когда вы говорите о вражеском лагере, вы имеете в виду историю противостояния Ястребова и писателя Иннокентия Отлыгина?

– И это в том числе. Таким образом, аспирантка, объявив о решении прекратить отношения с Ястребовым, превратилась в объект ненависти. Но поскольку Есеева не только соратник профессора по научной деятельности, но и его любовь, то результат получился сногшибательным. И это ещё одно научное достижение профессора. В теории Ястребова любовь и ненависть можно совместить в коктейле лишь с помощью одного средства – убийства.

– Я вас правильно понял: вы ищете символизмов? И что...? Подразумеваете под убийцей, м-м-м, образ Франции, а под его жертвой образ России? Расчленяя свою русскую любовь, новый Наполеон тем самым расчленял Россию? Вы это хотели сказать?

– Оригинальная трактовка. Однако. Гм. Заслуживает дополнительного осмысливания. Но в моём варианте не совсем так. Может, сам Ястребов и считает себя победителем в схватке с той, чья юность вызывала в нём ревность. Но ведь на самом деле, он потерпел поражение. Убив аспирантку, он показал не только свою бесчеловечность, безграничную же-

стокость, но и продемонстрировал слабость. Пойдя на убийство возлюбленной, он признал своё бессилие там, где требовались воля, благородство, великодушие. Это поступок слабого, малодушного человека, проигравшего животным инстинктам.

– Вот за эту мысль я и хочу ухватиться. Итак, животные инстинкты. Кто из наших радиослушателей хочет высказаться? Напоминаем, в прямом эфире – «Час открытого мнения». Звоните. Высказывайтесь. Обсуждаем резонансное убийство с расчленением. Историк Ястребов и его лебединая песня Есеева. Есть звонок из Твери. Слушаем вас.

– Добрый день. Я бы хотел вспомнить о таком понятии, как институт совести, духовная база одного заложена при рождении в каждом человеческом естестве. Церковь связывает наличие совести с Божественным началом. На языке церкви совесть называется голосом Бога. Независимо от того, хочет или не хочет кто-то верить в Бога, он имеет в себе Его голос. И чем более развита в человеке совесть, тем ближе он к Богу, даже если и не верит в Него. Все люди слышат в себе этот живой голос, но одни слышат явственно, другие слегка, одни к нему прислушиваются, другие нет. Так вот, те, кто игнорируют совесть, попадают в зону риска. Они выбирают тропу животных инстинктов.

– А кстати. Пришло на ум. Из воспоминания Андрея Тарковского о своём детстве – отец на вопрос сына, существует ли Бог, ответил: «Для неверующего – нет, для верующего –

да!» Нам звонят из посёлка Добромыслово. Слушаем вас.

– Здравствуйте. Меня зовут Михаил Анемподистович, мне восемьдесят пять лет. Всю жизнь проработал учителем истории в школе. То, что сейчас показывают по телевизору про историка Ястребова, меня лично не удивило. Я прожил долгую жизнь, но имею до сих пор ясный разум. Поэтому вы можете доверять моему мнению. Считаю, такие явления, как Наполеон Ястребов – естественное следствие распада мира. Мир движется к концу. То, что когда-то было для нашей страны за железным занавесом, теперь вошло в наши дома и в наше сознание. Растление мозгов, опустошение душ – всё это принёс нам западный и американский мир с их аморальными ценностями. Ястребов – продукт павшего мира. И хотя большая часть его жизни пришлась на советский период, он оказался в зоне риска, поскольку с детства влюбился в Наполеона. Я говорю упрощённо, вы понимаете. И его преклонение перед Францией затмило ему мозги, мораль, совесть. И вот что в результате мы имеем на сегодня. В лице Ястребова жизнь показывает, что может случиться с нашим обществом, если мы и дальше будем слепо копировать западный образ жизни, поклоняться американским идолам бездуховности и бессовестности.

Глава 14.

debilus.ru. Психотерапевты. Обсуждение темы: «Нарциссизм профессора Ястребова?»

Свободное общение. Психологи. Статьи. Консультации. Форум.

Анна Баркасова, психолог, магистр когнитивно-поведенческой психотерапии:

Изучение поведения, поступков Андрея Михайловича, в одночасье превратившегося из всемирно известного учёного во всемирно известного расчленителя, убедило в верности моей гипотезы о его перверзном нарциссизме. Вспышки гнева, хамство, взрывные поступки, необдуманность поведения, заикленность на собственном «я», преувеличенное доверие личным фантазиям, нетерпимость, повышенная требовательность к окружающим. Стремление подчинить себе всех, и ярость в случае сопротивления его воле. Если потакать такому человеку, то в условиях вседозволенности черты этой разрушающейся личности ещё активнее деградируют. Бездна – вот питательная среда для подобного сорта сумасшедших. Остаётся пожалеть тех, кто втянут в орбиту внимания «наполеонов». В данном случае речь о болезненных взаимоотношениях Ястребова и Есеевой. Профессор к тому же, несомненно, мучился мыслью о сорокалетней разнице в их возрасте, это порождало неизбежный комплекс неполноценности. Любой дисбаланс в отношениях грозил вылиться в трагедию. Что и случилось, когда в пылу ссоры девушка оскорбила профессора. Грубое слово сыграло в случае с безумным в своих чувствах Ястребовым роковую роль.

Екатерина Ершова, клинический психолог:

Анна Баркасова, вряд ли судебные психиатры согласятся с вашей гипотезой. Если и есть нарциссизм, то лишь некоторые его элементы. Мой прогноз: психолого-медицинская экспертиза констатирует органическое расстройство вследствие возрастных изменений.

Вероника Тихонова, психолог:

О, да там букет диагнозов. Всяких. И не только органических.

Алла К.:

Ужасная история! Всё общество взбудоражила эта трагедия. Вопросов остаётся много. Но вряд ли это убийство – случайность.

Елена Чистякова, психолог:

Отношения и последующий кошмар между стариком Ястребовым и юной Есеевой – это за гранью понимания. Урок для родителей. Даже с детьми вынуждена была беседовать о случившемся.

Виноградов Н.П., врач-психотерапевт:

Предварительно ставлю диагноз Ястребову: нарциссическая патология. Шизофрения.

Татьяна Коржова, семейный психолог:

Длительно сдерживаемая агрессия обязательно вырвется вовне, если человек склонен к паранойяльной и шизоидной психопатии. Страшно, конечно, всё это.

А.Г., клинический психолог:

Похоже на антисоциальное личностное расстройство.

Zdanov:

Уверен, Ястребов находится в пожизненном состоянии перевоплощения. Хронический отрыв от реальности. Абсолютная зависимость сознания от идей выбранного им кумира, заикленность на внутреннем идиотизме. Потрясает, что никто из окружения Ястребова за эти несколько десятков лет его прогрессирующего сумасшествия не поднял вопрос о необходимости изоляции как опасного для общества индивидуума. Подобные превентивные меры уберегли бы и его самого, и его близких от многого нехорошего.

Инна Игнатьева, психолог:

Подобное, к сожалению, не впервые. Когда бурная любовь переходит в стадию ревности, преследования, побоев, а заканчивается самым страшным образом. Как в случае с маньяком Ястребовым.

Жанна Жарова, психолог:

Диагноз Ястребова – многоплановый. Мания величия в сочетании с психотическими свойствами, и это видно по тому, что он явно потерял связь с реальным миром. Заметно, что у маньяка Ястребова шизофрения нарастает.

Пётр Антонов, гость:

Ястребов Андрей Михайлович – человек-ребёнок. И это не метафора. Это диагноз. Разве можно судить пятилетнего мальчика, в пылу драки прибившего младшего брата? Как будет вести себя пятилетний мальчик после совершённого

им убийства? Будет ли он раскаиваться, а если будет, то насколько долго? Чем он будет заниматься после убийства? Ответ: опомнившись, пятилетний убийца поймёт, что сделал плохо, попытается тем или иным способом «замести следы», чтобы родители не отругали, ну, и на этом его раскаяние закончится. Он возьмётся за игрушки и будет бегать по двору с мальчишками. Он испугается, когда преступление откроется, потому что увидит слёзы родителей, да ещё получит взбучку. Но уже очень скоро больше всего на свете он будет желать вновь погрузиться в детский мир шалостей и удовольствия. А теперь вспомним, как вёл себя Ястребов после преступления? Он продолжал играть в свою работу и во встречи с друзьями. И именно это было у него на первом плане на следующий день после трагедии, потому что мы имеем дело не со взрослым, а с ребёнком в оболочке взрослого. Ему требовалось сначала получить какую-то порцию обычных повседневных радостей. А потому была работа, были гости. И лишь после этого он стал замечать следы, ну так же, как сделал бы трусливый мальчик, чтобы избежать родительской порки и чтобы сохранить свой мир игрушек и конфет. А как ведёт себя Ястребов за решёткой? Он радуется, что выполнили его просьбу и принесли хорошие и весёлые книги. Научные, по его признанию, сейчас в него просто не лезут. Ему требуется залечить душевную каку-бьяку добрым и весёлым чтением. Он просит смертной казни? Неужели ему так тяжело из-за совершенного им преступления? Ответ самого

Ястребова: он просит себе смертную казнь, потому что лучше смерть, чем пожизненно за решёткой, да ещё в обществе убийц и насильников. Для него вот это страшно – лишиться игрушек, той сцены, переполненной реконструкциями, играми, утехами. А что тюрьма. Это нудно. В этом весь он, человек-ребёнок. Он воспринимает случившееся на своём, ребячьем, уровне. Это как пацан, у которого взрослые вырвали из рук планшет с мультиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.